ПОТРЯСАЮЩИЙ МИКС «ПОВЕЛИТЕЛЯ МУХ» И «ХОДЯЧИХ МЕРТВЕЦОВ», КОТОРЫЙ НИКОГО НЕ ОСТАВИТ РАВНОДУШНЫМ

ДМИТРИЙ РУС

ДЕТИ АПОКАЛИПСИСА

Дмитрий Рус
Дети апокалипсиса
Серия «Поколение Z», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51807361
Дети апокалипсиса / Дмитрий Рус: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-110705-5

Аннотация

Однажды утром в мире проснулись лишь дети. От пяти и до шестнадцати.

Последнее, что увидели взрослые, – фантастический метеоритный дождь, накрывший города-миллионники.

Сашка проснулся с трудом и одним из последних – за время недельного сна ему исполнилось семнадцать…

Новый мир оказался неласков. Дети злы. А в мире без правил – беспощадны. Лютуют банды, насилие как норма, льются кровь пацанов и девичьи слезы.

А тем временем у непохороненных взрослых прорезаются клыки, а в голове у Сашки ревет от бешенства инопланетная тварь…

Содержание

4 4
Глава 1 5
Глава 2 34
Глава 3 55
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Дмитрий Рус
Дети апокалипсиса

4

В оформлении переплета используется иллюстрация художника *Михая Тимошенко*

© Рус Д., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пробой пространства. Сообщение Лорду гранд-лордов.

«Сила благосклонна. Найдено потенциальное Гнездовье. Индекс совместимости биомассы близок к идеальному. Принято решение об экспансии Полного Круга. Накрыто крылом сорок инкубаторов. Яслям дарован масштабируемый Враг. Сорок миллионов Искр покинули родовые хранилища. Дети лордов встали на Путь. В горниле схватки да родится Сильнейший! Честь и Пламя!»

Глава 1

– Пить… – прошептал я беззвучно, с болезненным хрустом взламывая корку на спекшихся губах.

Трещины мгновенно набухли вязкой кровью. Рефлекторно сглатываю.

Соленая, не утоляющая жажду влага скупо смочила пересохшее горло. Окаменевшим связкам вернулась крупица эластичности.

– Пить!.. – прохрипел я немного уверенней.

Набравший силу голос разогнал липкую тишину.

Невдалеке кто-то взвыл – неверяще, восторженно и влюбленно. Загрохотала опрокинутая посуда, дробно затопали мелкие когтистые лапы – с заносами и прокрутами в интуитивно узнаваемых местах.

Ламинат кухни… паркет коридора… скрипящий порожек дверного проема… истертый ковер у дивана…

Знакомые звуки срывали печати с воспоминаний, вытаскивая меня из вязкой трясины болезненного сна.

«Ночь звездопада! Событие тысячелетия – раскройте глаза и кричите от восторга! Сегодня можно все! Выходите на улицы, поднимайтесь на крыши, танцуйте на шоссе!»

Я встряхнул головой, окончательно приходя в себя. За-

хлебывающиеся эмоциями голоса телеведущих звенели в мозгах зацикленным эхом.

«Сорок источников метеоритных потоков! Зрелище, способное перехватить дыхание! Завороженно молчат космонавты на МКС! И не стоит прислушиваться к паникерам – пилоты ведь тоже люди, простим им минутную слабость! Наверняка восторженно припали к иллюминаторам и совсем позабыли о времени!

Вы только представьте Землю с орбиты – планета сверкает, словно рождественская елка в отблесках тысяч салютных залпов!

Ох, как же нам сейчас завидуют американцы! На прямой связи со студией наш корреспондент из Нью-Йорка!

– Александр, я вижу вокруг вас множество грустных лиц! Расскажите, как вам наблюдается это невероятное, потрясающее и без преувеличения – уникальное метеоритное шоу в этот ослепительно-яркий солнечный полдень?»

Болезненно откашливаюсь сухим горлом и вновь трясу головой. Бррр!!!

Вспыхивающие росчерки на фоне ночного неба – это я помню. А еще – заполонившие улицы толпы народа и все нарастающее ощущение тревоги.

«Спешите загадать желание! Океан желаний! Падающих

звезд хватит на всех!

Напоминаем! Невероятное зрелище можно наблюдать не везде! Астрономы в недоумении, но звездопад четко локализован. Он приходит синхронными волнами, накрывая город за городом. В России метеоритные потоки сконцентрированы над обеими столицами, Нижним Новгородом, Екатеринбургом и…»

Память постепенно возвращалась. Зацепившийся за очередную картинку разум вывалил на меня пестрый калейдоскоп образов.

Звездопад действительно выгнал на улицы всех!

Не спали даже подслеповатые старушки. Согнав с ночных лавочек дворовую шпану и подстелив на сырое дерево клетчатые пледы, они стройными рядками рассаживались вдоль подъездов. Сморщенные лица задумчиво глядели в небеса и пугали прохожих отблесками звездного света в пустых бельмах выцветших глаз.

Помню сорвавших голоса полицейских, обильно потеющих в тяжелых бронежилетах и хмуро косящихся на ночное небо. Многочисленные патрули из напряженных нацгвардейцев. Ну и настойчивое пиликанье телефона, спамящего все более тревожными эсэмэсками от Системы Глобального Оповещения.

«Внимание! Во избежание несчастных случаев, в ночь с

18 на 19 июня рекомендуем Вам не покидать свое жилище. Избегайте мест массового скопления людей и выполняйте требования сотрудников служб МВД и МЧС».

Воспоминания обретали все большую четкость. Спеша восстановить целостность вчерашнего дня, они накладывались друг на друга, возводя нелепые торосы и одаряя все возрастающей головной болью.

Помню, как во дворах кучковались толпы моих сверстников – скучающих подростков и вчерашних выпускников, лениво добивающих остатки лета. Будущие пэтэушники, стройбатовцы, фигуранты уголовных дел и криминальных некрологов. Лузг семок, ленивое цвирканье слюной, ядреный выхлоп дешевого пива…

Ну хреновый у нас район, что поделаешь? Зона реновации, принудительного расселения и социального жилья, посреди которого зачем-то воткнули два дома для военнослужащих.

Что это – чья-то глупость, финансовая афера или социальный эксперимент? Типа – смогут ли три сотни офицерских семей навести порядок в бетонном муравейнике дешевого новостроя? Так я вам отвечу – хрен там! По крайней мере – в рамках современного законодательства.

Всплывающие в памяти лица царапнули душу ощущением близких неприятностей. Привычно заныл шрам над бровью, однозначно вангующий о скором мордобое. Воспомина-

ния злорадно зачастили новыми слайдами – надменные рожи, сбитые в кровь кулаки, темные пятна на асфальте.

Млин, точно! Вчера у самого подъезда я напоролся на шестерок Зураба, резко осмелевших от выпитого пива и ночной темноты.

Сознание трусливо поджало хвост и вновь попыталось свалить.

Вновь? Кажется, я просыпаюсь уже не в первый раз…

Мысли поплыли, убаюкивающая тьма уверенно возвращалась…

Приближающийся топот мелких когтистых лап закончился характерным шлепком о ковер. Я привычно напрягся, принимая рухнувшую на грудь тушку.

Столкновение оплеухой встряхнуло разум.

– Ратник… – просипел я и поневоле улыбнулся, вновь калеча потрескавшиеся губы и болью расплачиваясь за эмоции.

Крохотный дизель завелся с пол-оборота – кот затарахтел и принялся торопливо вылизывать мое лицо обжигающе-горячим языком. Ратник вел себя странно: то мурчал и ластился, то шарахался и тоскливо взвывал.

Тревога за нежно любимую зверюгу качнула кровь адреналином. Что случилось с моим высокомерным и гордым кошаком? И что, в конце концов, происходит со мной?!

С трудом приподняв онемевшую руку, я погладил бар-

хатистую шерсть кота. Хм, раньше он вроде поупитанней был…

Ратника била крупная дрожь. А ведь он не трус и имя свое получил не в кредит. Еще котенком схлестнулся с ошарашенным псом, задумчиво орошавшим одинокое дерево. Причем дрался кошак не забавы ради, а защищая мою сестру. И не то чтобы она нуждалась в защите, но право на гордое имя кот заслужил. Как и на кличку – после очередных косяков Ратника регулярно понижали в звании до почетного, но хулиганистого Ватника. Благо – раскрас подходящий. Георгиевский кот…

Мурлыканье усилилось, окончательно разгоняя давящую тишину. Сильный и подвижный, кот тыкался лбом в ладони, прихватывал пальцы острыми зубами, требуя ласки и радуясь пробуждению хозяина.

Антидепрессант ты мой замшевый…

Черт, да что ж мне хреново-то так?! И откуда эта вонь? Что за дикий коктейль из кошачьих ароматов, запахов немытого тела и застоявшегося общественного туалета? Плюс еще что-то, тревожное и напрягающее… Кровь, дым, гарь? Але, горим – не горим?

Оставив кота в покое, я спешно потянулся к глазам. Закисшим, намертво слипшимся, с колючим песком под веками. Полцарства за ведро воды!

Ценой десятка вырванных ресниц глаза все же удалось разлепить. Отодвинув настырного кошака, я с трудом при-

поднял дрожащую от напряжения голову.

Дом, любимый дом.

Привычная палитра запахов, с трудом пробивающаяся сквозь помойную взвесь. Мамины палочки корицы в вазе, кальян на полке и масляные краски вездесущих рисунков сестры. Художница…

Висящие на стене часы с давно издохшей кукушкой печально указывали на полшестого. Маятник застыл неподвижно, цепочки противовесов исчерпали завод. Хм, я же с вечера их подкручивал? Неужели сломались? А ведь это единственное, что осталось от прадеда.

Он прислал их в апреле сорок пятого, в последней посылке из Германии, впечатлившись дивным механизмом. Деньги у командира стрелковой роты были – жалованье в полторы тысячи рублей и еще столько же в оккупационных марках. Плюс – компенсация на наем немецкой прислуги и ежемесячное право на десятикилограммовую посылку домой.

Сейчас мало кто знает о таких деталях – но в нашей семье историю помнят и берегут. Как и память о том, что прабабушка извлекла из часов полсотни иголок для «Зингера», бережно завернутые в вощеную бумагу и крепко выручившие семью в голодные послевоенные годы.

А прадед домой не вернулся. Погиб уже после Победы, четырнадцатого мая сорок пятого года, добивая в Курляндском котле остатки 15-й добровольческой латышской дивизии СС…

Отвлекшись от воспоминаний, прислушиваюсь.

Тихо-то как!

Непривычно тихо для любого дня недели и любого же времени суток. Лишь дробное топтание голубей по козырьку подоконника да неутомимое мурчанье Ратника, трудолюбиво массирующего передними лапами мятую майку на моей груди.

Выходящие на южную сторону окна прикрывают тяжелые шторы. Сквозь щели пробивается солнечный свет, вызывая полный диссонанс с непривычной тишиной.

Не шумит сотнями моторов проходящая через квартал четырехполосная дорога.

Не бьет по ушам мат строителей, сутками суетящихся на бетонном скелете очередного новостроя.

Да и стены не дрожат от перманентного ремонта в нашей недавно сданной многоэтажке.

Хм… Спонтанный выходной после феерической ночи? Оправдание у людей имеется – ведь не каждое столетие Земля проходит сквозь аномальный кометный хвост?

Ох и кипела новостная лента в ожидании грандиозных событий! На интернет-форумах летела слюна, откладывались кирпичи и оглушительно рвались пуканы. Оказалось, что звездопад касается абсолютно всех! Астрологов и выживальщиков, экстрасенсов и домохозяек, оптимистов и параноиков.

В телевизоре тихо паниковали ученые, дикторы прави-

тельственных каналов имели бледный вид, а городские сумасшедшие поймали очередное обострение.

Хотя признаю – зрелище действительно оказалось выдающимся! Сотни одновременно падающих звезд! Шок и трепет!

Поймав себя на убежавших в сторону мыслях, я вновь нахмурился – что-то с моей головушкой не так… Разум плывет – как после наркоза, легко срываясь на яркие слайды воспоминаний.

Закрутив головой, пытаюсь понять: который час? Судя по тому, куда добралось солнечное пятно на обоях, – день перевалил за вторую половину и дело уверенно идет к вечеру. Однако лихо поспал!

Это ж во сколько я лег?

Гнать в постель меня некому: отец безвылазно инспектирует гарнизоны, охраняющие границы нашей необъятной. Учитывая объявленный в войсках «оранжевый» уровень тревоги – дома он появится еще не скоро.

Ну а мать с сестрой принимают на даче принудительные солнечные ванны. Батя отправил их за город практически насильно, волевым решением главы семьи. Беспокоило его что-то в последние недели. Ходил все больше задумчивый и напряженный.

Я свое право на независимость отстоял, тяжелый взгляд отца выдержал. Крыть ему было нечем, ведь он сам не раз повторял: «Ты уже достаточно вырос для того, чтобы само-

стоятельно принимать решения и нести за них ответственность».

Да, я могу проторчать всю ночь на балконе, залипнуть на диване с книгой или заиграться до рассвета на компе – никто слова поперек не скажет. Но утреннюю пробежку совесть отменить не позволит, да и тренер поблажки не даст. Скорее наоборот. Михалыч – дядька суровый, не признает он полумер. Либо закалит, либо сожжет. Жизнь на грани фола. И тяжело ему не столько без ноги, сколько без войны…

В квартире – полное ощущение нежилой пустоты. Порхает в тонком лучике света пыль, непривычная тишина давит на мозги. Кричать бессмысленно, но все же:

– Мам?.. Варя?..

Ответа нет. Ожидаемо, но…

Сердце сжимается в тревоге за близких. Батя – он любую беду сам в бараний рог свернет и на колени поставит. Но женщины…

И все же кричу вновь. Без надежды на ответ, скорее ища силы в магическом слове:

– Батя?

Тишина…

Кот прислушивается вместе со мной и так же разочарованно мявкает. Отца он уважает и в квартирной стае ранжирует высоко. Может быть, даже рядом с собой.

Треплю рыжего по загривку.

– Прорвемся, Ратник, не дрейфь!

Кошак выглядит непривычно. Бока запали, закисшие глаза воспаленно блестят, короткая шерсть в слипшихся колтунах.

– Ого, рыжий! Где тебя так ушатало?!

Ратник ожидаемо не отвечает, лишь крепче утыкается лбом в мою ладонь.

Протираю большим пальцем кошачьи глаза, затем напрягаюсь и с трудом привожу себя в сидячее положение. Скомканная простыня валяется на полу. Характерные бурые пятна на посеревшей от грязи ткани заставили испуганно замереть.

Меня что, ножом во сне пырнули? Дом у нас хоть и новый, и вроде как даже офицерский, но не особо благополучный. Бывают в жизни такие выверты, уж поверьте. Да и ворье сейчас нервное – вдруг залез кто-то ночью, а я пошевелился не вовремя? Вполне можно было нарваться на заточку в печень или молотком по темени…

Было бы чем – сглотнул бы испуганно или поплевал через плечо.

Спешно ощупываю свое тело, подспудно готовясь обнаружить бугры подсохшей раны или ощутить, как проминается под пальцами кожа на черепе. Жажда – это ведь тоже нехороший симптом. Первый признак при обширной кровопотере.

По мере осмотра хмурюсь все более недоуменно. Что за черт?!

Нет, лишних дырок во мне не насверлили, но куда за од-

ну ночь подевался десяток килограммов мышечной массы?! Предплечья заметно сдулись, похудевшие бицепсы пляшут в нервном треморе, а исчезнувший подкожный жир оголил перетянутый сухожилиями пресс. Ну здравствуй, самая непокорная мышца…

Непонимающе трясу головой – идей нет, полный ступор. А ведь я не тупой физкультурник – книги люблю, да и с математической олимпиады где-то грамотка пылится. Правда, отыскать ее в увесистой стопке будет непросто – там все больше благодарности за пулевую стрельбу и поощрительные грамоты за моральное участие в юношеских турнирах по самбо.

Спросите – что это за дикий формат участия в соревнованиях?

Ну, как могу…

Если в двух словах, то это когда здоровье – так себе и получать удары в голову врачи крепко не рекомендуют. Но при этом упорства и спортивной злости – у меня на троих. Вот и приходится работать в основном по груше либо в паре с тренером.

На улице, правда, справку не предъявишь. Тем более в нашем-то районе…

Тут я замечаю стоящую в изголовье кружку, и лютая жажда мгновенно вышибает из головы все сторонние мысли.

ПИТЬ!!!

Рывок к чашке и почти сразу же – полный разочарования

стон! Где мой вчерашний недопитый чай?! Триста граммов чистейшего «аш-два-о», а в нагрузку – бумажный пакетик с заваркой, палочка корицы и праздничные три кусочка сахара?!

Кот палится мгновенно – принимает совершенно безразличный вид и начинает внимательно изучать солнечные пятна на потолке. Если бы не косился на меня одним глазом – можно было бы и поверить.

Сиплю в праведном возмущении:

– Ватник, совсем офигел?! С каких пор ты сладкий чай зауважал, мудила ты полосатая?!

Кошак понимает, что разоблачен, но каяться не торопится. Мявкает – дерзко, раздраженно и непривычно хрипло. Прыжком переносится в изголовье дивана и начинает торопливо выгребать ништяки из-под смятой и забитой в угол подушки.

Одноглазая плюшевая мышь – его любимая и самая драгоценная игрушка. Пустая изгрызенная поилка, кошачья подстилка из коридора и мумифицированный, заметно поваливающий голубь.

– Вата! Фу! Брось эту крысу с крыльями! Ты на фига ее ко мне притащил?!

Кот на пару секунд возмущенно замирает, буравя меня зелеными глазами.

Изумленно ломаю бровь:

– Типа бартер, да? Или… или ты решил меня подкормить,

пока я тут галюны ловил? То-то мне мертвечина всякая снилась! Ах ты ж морда моя заботливая, бестолковая…

Сгребаю кота в охапку, вжимаюсь в короткую рыже-черную шерсть. Друг ты мой георгиевский…

Кошак фамильярности не терпит, но на этот раз не вырывается. Лишь нервно бьет хвостом и косится в сторону. Намек понимаю, да и самого жажда душит – как никогда в жизни. Еще немного – и я даже моргать начну с характерным песочным скрипом.

– Идем-ка, брат, на кухню… Ну их к черту, эти непонятки…

Ратник – кот мудрый: все понимает, иногда даже говорит. Мгновенно вырывается из рук, торжествующе мявкает и мчится вперед, показывая дорогу и призывая к действию.

За окном, вдалеке, прогрохотала бестолковая автоматная очередь – на весь магазин и на расплав ствола. Там явно не воюют – а развлекаются, нажравшись водочки, калеча себя и оружие.

Мне нет дела до идиотов, и я устал от странностей. Потом, все потом…

Встаю, по-стариковски кряхтя. Валяющийся на столе мобильник даже не проверяю – шибко жадный он до батареи, сдох уже давно. Если с вечера на зарядку не поставил – то не питай с утра надежд. Опыт, сын ошибок трудных…

Пошатываясь и держась за стеночку, ковыляю в коридор. На ходу пару раз тупо щелкаю выключателем – света нет.

Безразлично пожимаю плечами – в нашем доме такое случается. Захватившие пустующие квартиры мигранты с электричеством не дружат. Нагружают сеть самодельными кипятильниками, регулярно выбивая автомат и выжигая проводку. Официальные жалобы не помогают – управляющая компания также регулярно собирает с гастарбайтеров мзду и предусмотрительно не забывает делиться с контролирующими органами. Однако терпение жильцов на исходе – долетали до меня батины разговоры с соседями. Грядет русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Ох и умоются кровью оборзевшие рожи…

Тяжело офицерам разъезжаться по местам несения службы, зная, что в тылу у них осталась вторая линия фронта. Ведь и моя сестра не просто так свалила на все лето в Подмосковье. Помимо прямого указания отца есть и другая проблема – красивая она очень, дуреют от нее джигиты, берега теряют.

Да и у меня своя война. Сломанный мизинец и шрам над бровью – не такая уж высокая цена за выкрик в лицо: «Вася, я твою маму драл!». Во-первых – я не Вася, а во-вторых – за базар нужно отвечать. Не по понятиям – клал я на них, а по жизни.

Урок временно усвоен. Наезды отфильтровались до уровня: «я твой дом труба шатал, мой собак твой ног кусал».

Но я понимаю – это еще не победа и даже не перемирие. Так – минутная сшибка, привычный наезд «на русака». При-

летела неожиданная ответка – отвалили задумчиво, теперь вот кружат вокруг, зло посматривая в спину и выбирая момент для неожиданной атаки.

Ну-ну, соколики курчавые. Надежды юношей питают…

Ковыляя вдоль стены, на ходу поправляю перекосившуюся картину в простенькой рамке. Пока никто не видит – можно проявить заботу о полотне. Вообще-то – это Варькина мазня. Весь дом завешан плодами ее последнего хобби. А почему «мазня»? Потому как нечего меня рисовать! Да еще в виде рыцаря с боевым котом у ног!

«Я так вижу!» – художница, блин…

Захожу на кухню и по щиколотки вязну в мусоре. Недоуменно осматриваю последствия локального армагеддона.

– Слышь, хрен с ушами! Ты тут на две кастрации наворотил! У тебя что, совсем крышу сорвало?!

Все кухонные ящики исцарапаны и распахнуты – даже подвесные. Вопрос «ну как, мля?!» остался без ответа. Содержимое полок, пакетов и банок – мелким фаршем на полу. Макароны, крупы, консервы, бытовая химия…

В качестве украшения – тысячи мелких голубиных перьев, вяло шевелящихся от легкого сквозняка. Оконная сетка продрана, в здоровенную дыру как раз заглядывает очередной курлыкающий посетитель, алчно приценивающийся к разбросанному на ламинате меню. В солнечных лучах танцуют хлопья пепла, затягиваемые ветром через все то же окно.

Тут же – в муке и сахаре – валяются мои борцовские перчатки, притащенные котом из комнаты. Натуральная кожа погрызена, понторезная надпись «Kanpeki Elite» практически не видна.

С трудом давлю в себе ярость. Гнать на кота бессмысленно, ситуация явно сложнее, чем загубленные перчи.

Полторашка минералки, на которую я так рассчитывал, оказалась пуста. Растерзанный пластик напрямую сдавал своего мучителя.

Покосившись на кота, уточняю:

– Пиво-то хоть не выпил?

Сам я не ценитель спиртного, но где батина заначка, естественно, в курсе.

Ратник юмор не оценил. Он уже запрыгнул на мойку и демонстративно грызет железо смесителя.

Шагаю к вожделенному источнику, внимательно выбирая, куда ставить босые ступни. Запах гари раздражает нос, но если что-то и горит – то явно давно и точно не у меня в квартире.

Организм обезвожен до предела. Еще немного, и из меня посыплется песок.

Дотянувшись до крана, до упора выкручиваю вентиль холодной воды. Подождав пару секунд, уже без особой надежды, кручу кран горячей.

Смеситель едва слышно вздыхает, выжимая из своих недр одинокий ржавый пузырь. Кот не брезгливый – мгновенно

слизывает каплю и требовательно взвывает. Сушняк – не тетка, стакан не подаст…

Да что ж за день-то сегодня?!

Ярость придает силы – я начинаю двигаться резче, целеустремленней. Знаю – в такие моменты глаза у меня характерно прищуриваются, а на скулах угрожающе вспухают желваки. Это наследственное. Батя таким взглядом гопоту в интеллигентов превращает. Ментальная магия…

Распахиваю устоявшую перед котом исцарапанную дверь холодильника и тут же отшатываюсь назад. Похоже, что электричества нет уже давно. Очень давно… С неделю – как минимум. И не спрашивайте, как это возможно. Сам в шоке.

В темном «индезитовском» нутре зародилась микроцивилизация. Зацвело и завонялось все, что только могло. Как-никак – середина лета, стабильные «плюс тридцать»…

Затравленно рычу, вновь откладывая вопросы на потом. Пить!

Кот опять поразил меня глубиной своего падения. Не раздумывая, он с ходу ломанулся в серо-зеленые заросли.

– Ратник! Фу! Да погоди ты! Понос при обезвоживании тебя точно доконает! Потерпи, тут где-то пакет молока был! Ультрапастеризованное – ни одной живой бактерии, нечему там портиться…

Отыскав-таки пакет, я протер его удачно подвернувшимся под ноги полотенцем и оторвал перфорированный уголок. Бегло принюхался и тут же – жадно присосался к живитель-

ному источнику. Вода! Подкрашенная, с добавками пальмового масла и конской дозой консервантов, но ВОДА!

Да здравствует молоко серпуховского завода «Стальное вымя»! Стратегический продукт на случай ядерной войны. Срок хранения – до первого археолога следующей цивилизации!

Утробный вой обделенного кота приводит меня в чувство. Эйфория отступает, возвращая контроль дорвавшемуся до водопоя разуму.

Глянув на отощавшего, тоскливо завывающего на одной ноте Ратника, я поперхнулся и ощутил дикий стыд. Тут же припомнилась заботливо принесенная котом любимая игрушка, которую он обычно ныкал от всех и гонял по квартире исключительно ночью. А уж какой жертвы стоил для голодного животного пойманный и заботливо отложенный для меня голубь – человеческим умом не понять…

– Прости, дружище, сейчас налью! Где-то тут тарелка валялась…

Отыскав присыпанную мукой посуду, щедро наполняю ее до краев. Пить по-прежнему хочется неимоверно, но трепыхнувшуюся было жабу душу на корню.

И хлеба горбушку – и ту пополам…

В животе забурлило, резкая боль скрутила кишки. Причем серьезно так, до скрипа зубов и невольных слез из глаз.

Приступ прошел через пару секунд, отпуская и великодушно позволяя сделать вдох. Сдавленно матерюсь, хватаюсь за живот и ковыляю в туалет. Света нет, половая плитка заминирована кошачьими кучами. Судя по количеству – проспал я не меньше недели.

– Аристократ хренов… – бормочу я вполголоса, старательно игнорируя мутные непонятки.

Кот у меня брезгливый – дважды в грязный лоток не ходит. Страдает, орет, но обычно терпит.

– Твою же мать… – воды в унитазе нет, финский фаянс покрыт ржавыми разводами.

То ли высохла, то ли кот выхлебал. Ну да – аристократ аристократом, но жить захочешь – еще не так раскорячишься.

Бачок также оказался пустым. Однако взбунтовавшийся кишечник вновь стегает меня болью, отключая сознание и на минуту превращая в животное, спешно избавляющееся от яда. Меня рвет черной желчью, слезы заливают глаза, из носа лениво струится густая кровь.

Как ни странно – после аварийной чистки мне реально полегчало. Голова прояснилась, дрожь ушла, руки вновь обрели силу. Решив наполнить туалетный бачок, я с удивительной легкостью сворачиваю головы вздувшимся баклажкам с забродившим квасом.

Тело действительно изменилось. Подкожного жира почти не осталось. Мышцы уплотнились, просев в объеме, но за-

метно прибавив в твердости.

Вновь забив на непонятки, я обтираю лицо, оторвав от разлохмаченного рулона длинный кусок туалетной бумаги. Совком сгребаю кошачье добро, меняю наполнитель в лотке. Ратник нависает над душой, внимательно контролируя процесс и поощрительно тыкаясь в ноги.

Отодвинув наполненный ящик в угол, отряхиваю ладони и делаю приглашающий жест:

– Прошу!

Кот прыжком влетает в лоток, в три гребка выкапывает котлован, пристраивается сверху в позе лотоса и счастливо выпучивает глаза.

Подмигиваю:

– Почти как оргазм, да?

Оставляю задумчивого кота в одиночестве, спешу в нашу с сеструхой комнату. Да, живем мы не по-барски, да и не по стандартам ювенальной юстиции – у взрослых разнополых детей одна комната на двоих. Но я не жалуюсь – в тесноте, да не в обиде.

Внутри – ожидаемо пусто, и даже без разрухи – Ратник сюда не добрался, круглая дверная ручка не поддалась кошачьим усилиям.

Скидываю серое от грязи нижнее белье, вновь тщательно обтираюсь найденными у сестры влажными салфетками. Перебираю заботливо выглаженное мамой белье – руки предательски дрожат. Мама, Варя… Стискиваю зубы, загоняя

тревогу в дальний угол сознания. Рутинные действия занимают мозг и успокаивают, отгоняя панику и спасая от притаившегося безумия.

С облегченным вздохом переодеваюсь в чистое. Начинаю понимать Ратника. Грязь реально давила.

Отыскав в рюкзаке внешний аккумулятор, ставлю на зарядку телефон. И только после этого, решительно выдохнув, раздвигаю шторы и выхожу на балкон.

Первое, что бросается в глаза – диссонанс чистейшего воздуха и десятков дымных столбов по всему горизонту. Город вяло горит, пытаясь дотянуться до небес серыми шевелящимися клубами. В доме напротив – верхняя пара этажей чернеет закопченными провалами окон. На стихийной парковке во дворе – тлеет остов изуродованного внедорожника. И будь я проклят, если на водительском месте не сидит скорчившаяся почерневшая фигура! Или это игра теней? Надеюсь…

Машин на дороге нет, по крайней мере – на ходу. А вот вдоль обочин, на газоне, тротуаре, бамперами в стенах и витринах – хоть отбавляй. Распахнутые двери, вывороченные тряпки, сработавшие подушки безопасности, крошево битого стекла…

Что тут, черт побери, случилось?!

Вновь, захлебываясь, пророкотал автомат. В небо, где-то в районе отдела полиции, ушла длинная очередь трассеров. Да что там творится? Развлекаются? Подают сигналы о по-

мощи? Для этого есть телефоны, рации, ракетницы, сигнальные дымы, в конце-то концов!

Быстро приближаясь, донесся рев автомобильного движка. Из-за поворота с жутким заносом, вылетел красный пижонский спорткар. Сверкающий серебром мустанг на радиаторе, затонированные в ноль стекла. Гремящая на сотню децибел музыка рвет тишину, раскаленные шины пятнают асфальт. Пара секунд, и машина скрылась за перекрестком, бортанув на прощанье завалившийся на обочину микроавтобус.

Резвится золотая молодежь? Да откуда ей взяться в рабочих окраинах Москвы?

Оторванное зеркало еще кувыркалось на дороге, как мое внимание привлекла новая картина. В поле зрения появился ребенок. Чумазая девочка лет пяти, одетая лишь в грязную майку и с замурзанной мягкой игрушкой в руках. Босые, сбитые в кровь ноги мелко семенили по плитке. Беззвучно шевелящиеся губы успокаивающе убалтывали плюшевого зайца.

Я окаменел. Такого просто не может и не имеет права быть! Никогда и ни под каким предлогом! Это же современная столица, а не Сайгон времен американской оккупации.

Побелевшие от напряжения пальцы с силой вцепились в бортик балкона.

Из разгромленной витрины «Пятерочки» выглянуло чье-то лицо. Осмотревшись, наблюдатель дал отмашку куда-то

вовнутрь зала, и из магазина рванулась цепочка подростков с набитыми до краев тележками. Сверкали яркими красками узнаваемые упаковки – чипсы, шоколадки, толстые пузыри газировки и матовые бутыли с пивом.

С трудом отпустив перила балкона, я пару раз с хрустом сжал кулаки, избавляясь от судороги и возвращая пальцам чувствительность. Больно… Отрезвляюще…

Шум на улице вновь заставил перевести взгляд.

Суетящиеся внизу ребята действовали на удивление слаженно.

Боковое охранение из парней постарше. На вид – чуть младше меня, лет четырнадцать-пятнадцать. Однотипно одеты в свободные спортивные костюмы. На шеях и запястьях – густое месиво из сверкающих золотом цепочек. Гангста-стайл…

Руки, в тактических перчатках с обрезанными пальцами, уверенно сжимают тяжелые биты. Оружие доработано по заветам «Безумного Макса» – в дерево вбиты гвозди-двухсотки, заботливо заточенные с недетским старанием.

В грузчиках пацанва поменьше, одетая куда более разнообразно, но также кричаще дорого и бестолково.

Одинаковые стрижки и направление движения выдавали в банде обитателей 58-го детского дома – застарелой боли всего района.

Одну из тележек волокла приметная девушка, облаченная в строгое, но дорогущее «милитари» с пижонским золотым

орлом «Aeronautica Militare». На ногах – ботинки с высокой шнуровкой. Широкий офицерский пояс перетягивает тонкую талию. И только пышный хвост розовых волос выбивается из образа. Постап аниме…

Заметив бредущего в никуда ребенка, девушка вывалилась из колонны и, проигнорировав окрик встревоженного наблюдателя, подкатила к малышке. Заступив ей дорогу, бросила тележку и присела на корточки рядом с девочкой. Заглядывая в глаза, торопливо заговорила, что-то спрашивая и придерживая за руку. Не дождавшись ответа, растерянно замолчала, закусив губу, а затем вскочила и попыталась вручить ребенку горсть шоколадок.

Однако плюшевый заяц оказался ценней – блестящие обертки рассыпались по асфальту, а малышка лишь крепче вцепилась в игрушку.

Острота собственного зрения удивляла и настораживала. Вообще-то я на двадцать четвертом этаже, а до супермаркета – сотня метров по прямой. Но стоит лишь присмотреться, и глаза начинают зумить лица не хуже двукратного коллиматорного прицела. Вот за что мне эта напасть?

Одергиваемая все более раздраженными окриками, розоволосая беспомощно огляделась. Вдалеке раздался гул приближающегося автомобиля. Детдомовцы засуетились, резко ускоряясь и один за другим исчезая в проходе между домами.

Прикрывавший отход бритоголовый старшак, не по сезо-

ну одетый в черную кожаную косуху, властно и зло окрикнул отставшую. В его руке появился пистолет, затвор хищно лязгнул сталью. Направив оружие на дорогу, откуда вот-вот должен был показаться автомобиль, парень вновь рявкнул на девушку.

Та, наконец, решилась. Оттолкнув тележку, схватила ребенка в охапку и бросилась через дорогу, вслед за ушедшей колонной. Разъяренный мат бритоголового расслышал даже я. Не раздумывая, он влепил девушке тяжелую пощечину. Ее голова дернулась, хвост розовых волос хлестнул по лицу удерживаемую на руках девочку.

– Ты что творишь, урод! – рявкнул я, наваливаясь на бортик балкона и в бессильной угрозе занося для удара кулак.

Был бы рядом – всех бы на одних рефлексах!

– Банг! – хлесткий звук выстрела прозвучал совершенно неожиданно. Этажом ниже жалобно звякнуло разбитое окно.

Хренасе!

Я шустро присел, укрываясь от стрелка за бетонной плитой балкона. Это что ж получается, в меня только что стреляли из боевого оружия? Вот так просто, без тени сомнений, попытались убить за один лишь матерный окрик? Мир сошел с ума…

Выждав десяток секунд, вновь осторожно выглянул на улицу. Детдомовцев уже не было видно – их колонна окончательно затерялась среди тесно стоящих домов. Лишь брошенная тележка медленно катилась под уклон.

– Бам! – огромный пожарный «КамАЗ» вынырнул из-за поворота и с грохотом насадил телегу на армированный бампер.

Блестящие шоколадки веером разлетелись в стороны, весело сверкая солнечными зайчиками.

– Виу!!! – раздался полный восторга многоголосый ор облепившего машину боевого экипажа.

Сияли сползающие на глаза надраенные каски, грохотала экипировка на туго затянутых поясах, слепила огнями мигалка, натужно ревел насилуемый на первой скорости двигатель.

В кабине «КамАЗа» суетилась толпа детей – управление автоцистерной шло в десяток неумелых рук. На платформе лафетного ствола стоял паренек в белоснежном шлеме с опущенным забралом и величественно указывал на дымный столб ближайшего пожара.

Я недоуменно потряс головой. Фантасмагория какая-то. Третьеклассники едут на пожар…

На периферии зрения глаз ухватился за какое-то движение. Взглянув в сторону стоящего в сотне метров дома, увидел вяло шевелящиеся на ветру белые полотна, вывешенные из окон на десятом этаже. Простыни, что ли? Прищурившись, смог прочитать надписи на белой ткани. «Мама», «Папа», «Ваня», «Я». И плачущие кровью сердечки…

Над плакатом «Я», прямо в оконном проеме, сидела девушка, одетая в пышное белоснежное платье. Загорелые но-

ги свисали на улицу, в руках дымила недокуренная сигарета.

Неожиданно девушка посмотрела прямо на меня. Щелчком отправив окурок в полет, она улыбнулась, помахала рукой, а затем одним плавным движением соскользнула с подоконника и бросилась вниз. Хлопнуло белое платье, на мгновение раскрываясь кружевным цветком, и тут же смялось, заботливо обхватывая стройную фигурку. Словно выброшенная из окна белоснежная роза…

Интерлюдия: Катя

Сигарета мелко дрожала между обожженными пальцами. Горячий пепел падал на белоснежное выпускное платье. Якобы настоящий шелк плавился и вонял горелой пластмассой.

Катя криво улыбнулась: подделка…

Весь мир, все его незыблемое благополучие, все счастье и любовь – оказались хрупкой подделкой, развалившейся от единственного толчка.

Все, что Кате казалось дорогим и ценным, все, что раньше беспокоило и занимало ее мысли, – ушло в один миг. Вожделенный «Айфон», результаты экзаменов, чувства оказавшегося подонком Ромки из «11-А»… Тлен и суета…

А вот раздражавший своими запретами отец, назойливо беспокоящаяся мать, заставляющий ревновать, вечно орущий Ванька… Вот что оказалось величайшей ценностью и незыблемыми опорами ее внутреннего мира.

Ушли они – ушел и смысл жизни.

Зло смахнув очередную слезу, Катя на мгновение поймала кураж и нужный настрой. Махнув рукой глупо суетящемуся на далеком балконе симпатичному парню, она шепнула последнее желание: «Пусть хоть ему повезет!» и сделала наконец то, на что решалась весь последний час.

Легкое движение спортивных ног, взгляд в закрутившееся спиралью небо и пронзительная мысль: «Мамочка, я иду к тебе!»

Глава 2

В себя я пришел, сидя на полу, прижавшись спиной к бетонной плите балкона, монотонно раскачиваясь и размазывая по щекам редкие слезы. Я не плакал уже много лет, но этих слез – не стыдился. Лишь мычал что-то недоуменно-вопросительное и зачем-то грозил небесам сбитым в кровь кулаком.

Истерику удалось подавить не сразу. Вначале на балкон заглянул встревоженный кот и, мгновенно оценив обстановку, деловито залез на руки. Мурчанье успокаивало, пальцы рефлекторно перебирали короткую шерсть.

Затем вновь вернулась жажда. Она с хрустом вправила мозги, обесцвечивая воспоминания до нейтральных черно-белых тонов и пинком поднимая меня на ноги.

Нервный срыв вполне объясним.

Сегодня в меня стреляли, сегодня при мне умирали. Я валялся в отключке невесть сколько дней, и все это время организм питался собственной плотью, сожрав не менее десятка кило. При этом за окнами – сон шизофреника, и мне все сложнее сохранить трезвость разума. Я не вижу картину целиком, в руках лишь десяток разрозненных кусочков кровавого пазла. И не стоит разглядывать его слишком пристально – образы все время меняются, ведь у смерти тысячи лиц…

Захватив в туалетной кладовке швабру, я вновь пошел на

кухню. В десяток движений разгреб по углам хаос на полу и приступил к более вдумчивому обыску.

Кот, при всем своем интеллекте и стараниях, вскрыть смог далеко не все. Ведь у него лапки. Няшные, но мелкие.

Минут через пять, хрустя чуть подвявшей, но все еще сочной морковкой, я скептически оценивал добычу.

Негусто…

Бутылка вишневого сиропа, раздувшийся от гордости пакет кефира и две алюминиевые банки с пивом. Отдельным рядком – красивые бутылки «гостевого» спиртного. Такого, что б «на стол не стыдно было выставить». Ну я и выставил…

Задумчиво почесав затылок, я пожал плечами и открыл банку пива. Светлое, слабенькое – всего пять оборотов. Меньше всего мне хотелось дурманить мозги алкоголем. Но при всем богатстве выбора – другой альтернативы не было.

Заодно раскупорил пару бутылок с вином – пусть постоят, подышат в атмосферу спиртом. Кто его знает, что там, за дверью? Вдруг потребуется пересидеть дома еще недельку? Вот то-то и оно…

С отвращением прихлебывая теплое пиво, я деловито суетился по квартире, загружая мозги непрерывным потоком задач.

Включить телефон – нет сигнала базовой станции. Притом что сотовая вышка находится прямиком на крыше нашего дома, пугая тем самым впечатлительных старушек.

На экране смартфона – семнадцать пропущенных. Ноч-

ной звонок от отца, остальные – с одного и того же незнакомого номера. Перезвонить, естественно, не получается, хотя настойчивость неизвестного абонента напрягает. Не дай бог что-то случилось с мамой или сеструхой… Порву всех причастных! Сяду, сдохну, но задавлю!

За всплеском эмоций приходит привычная расплата – злобные импульсы боли вгрызаются в темя. Прикрываю глаза, глубоко дышу, пережидая приступ. Ненавижу качели! С детства! С тех самых пор, как одна из них проломила мне затылок…

Через минуту меня слегка отпускает. Не глядя, нащупываю на столе пачку таблеток и бросаю горький кругляш под язык. Рутина…

Вновь возвращаюсь к смартфону.

Интернет предсказуемо отсутствует, многочисленные Wi-Fi-сетки вымерли как мамонты. А вот GPS работает – спутники все еще кружат над головой, с орбиты их не ссадили. Значит – это не война? Ведь в случае глобального замеса орбитальную группировку помножили бы на ноль в первую очередь. Тогда что?

Радиорозетки в доме нет – анахронизм похлеще мамонтов. Однако нужное приложение установлено на все тот же смарт, причем интернет для его работы не требуется. Запускаю программу, притопывая от нетерпения. Быстро пробегаюсь по всему доступному FM-диапазону. Статика, треск помех… из осмысленного – лишь монотонный сигнал радио-

маяка. Все.

Могу допустить, что на коротких волнах кто-то отчаянно пищит морзянкой. Но для того, чтобы его услышать, нужен нормальный приемник, а не программная приблуда на телефоне.

Итак, что может вырубить все станции в радиусе полусотни километров? Электромагнитный импульс? Вчерашняя… Тьфу! Короче, пролетавшая намедни комета сошла с рельс и рванула в атмосфере, убив всю электронику? Нормальная версия, только вот куда люди подевались?

Ясно, что ничего не ясно. Нужно идти на разведку. Сидеть, затихарившись, дома – позиция заведомо проигрышная. Особенно если за окном натуральный «Большой Песец», а не его младший пушистый брат – скромный «Локальный Пипец». В последнем варианте еще можно было бы дожидаться МЧС на голубом вертолете, или кто там у нас занимается спасением гражданского населения? Но вот в случае полноценного «БП» – потеря инициативы и непонимание оперативной обстановки резко повышают шансы на скоропостижную смерть. По крайней мере, так об этом писали в профильных интернетах.

Да-да, каюсь, грешен. Люблю на сон грядущий почитать истории про выживальщиков, дауншифтеров и прочих робинзонов. Ну а что? Развлечение плюс, не приведи Неназываемый, – польза.

И, судя по всему, – я дочитался…

Мысли роятся в голове, а руки перебирают содержимое шкафа с одеждой. Выдергиваю из аккуратных глаженых стопок тактические брюки. Будет жарковато, но ситуация обязывает. Двенадцать карманов, в том числе – скрытые. Для ножа, ключа от наручников, тросика алмазной пилки, полтинника евро в пакетике и прочего снаряжения «последнего шанса». Я не Вассерман, и даже не его внук, но запасец на черный день имеется.

На больших грузовых карманах – дополнительный доступ через вертикальные молнии. Вшитые шнуры паракорда, которые можно затянуть одним движением и перекрыть кровотечение из раны. Тройное усиление коленей, образующее дополнительную пару карманов с возможностью установки ударозащитных вставок. Кто падал на кирпичное крошево – меня поймет.

Дополнительно – силиконовая полоса на изнанке, рубашка не вылезет даже при активном движении. Ну и широкие хлястики под армейский ремень – для меня это важно.

В общем, брюки – полный атас. Мечта диванного выживальщика и рутина солдата ЧВК…

Ну да – я фанат хорошей снаряги. В основном, конечно, теоретик, но кое-что прикупить удалось. Кто-то фапает на крутые тачки, а я – на экипировку. Ну и на тачки тоже, куда ж без этого! Тестостерон и бедность – обязывают.

Далее на диван летит упаковка новых хлопчатобумажных носков – не до экономии сейчас! В дело идет самое святое!

Следом – футболка в расцветке городского камуфляжа. Ничего выдающегося – обычная китайская тряпка хэбэ. Батя меня все агитировал за тельняшку, но я как-то не фанат морских сражений. Мне ближе урбанистический сталкеринг.

Пустынные берцы дожидаются в прихожей. Ботинки, правда, асоциальные – народ косится недоуменно, не понимая, что даже в летнюю жару ногам в них гораздо комфортней, чем в кожзамовых кроссовках. А уж насколько безопасней! Броня «+3», не меньше!

Металлический супинатор, защита голеностопа, скоростная шнуровка, кевларовые подносок и задник, мега- и нано-стельки с искусственным интеллектом! А уж насколько хороши в драке! Хоть женись на них!

Одеваюсь – словно с чужого плеча. Шмотки висят с излишней свободой, сказывается экстремальное похудение. Туго затянутый ремень лишь слегка выправляет положение.

С тоской кошусь на упрятанный в шкафу оружейный сейф. Код замка – я знаю, вот только стволов в стальном ящике сейчас нет. Отцовский «Мосберг» в деревне, а карабин уехал на долгожданный тюнинг – установку облегченного приклада и хитрого пламегасителя. Черт, как же не вовремя-то!

На всякий случай все же отбиваю на клавиатуре сейфа заветную комбинацию, сверяя ее с подписью висящей на стене Варькиной картины: «02042020». Художница…

Внутри железного ящика ожидаемо просторно. Тощая

стопка документов – на квартиру, машину, оружие. Пачек десять патронов – от дроби до пулевых. И бутылка вискаря. Что характерно – початая.

Ладно, прорвемся! На крайняк – самопал какой-то можно склепать. В стиле: «темно тут у вас» …

В умелых руках и рогатка – грозное оружие. Где бы еще взять, эти умелые руки? Хотя конкретно мои – худо-бедно, но все же заточены под выживание, спасибо личному хобби и отцовой науке. Но вот среди остальных пацанов гораздо выше ценится скилл игры в Доту, чем навыки практической стрельбы. Зря, ребята, очень зря. Раньше доказать вам это не мог, а теперь, боюсь, и не придется…

Распихиваю по карманам полезную мелочовку.

Фонарик – всего на одну батарейку, но яркий – как пятна на солнце. Газовый баллончик – в некоторых ситуациях вещь незаменимая. Ключи от квартиры, с тяжелым латунным брелоком. Выглядит как забавная безделушка, но на практике – увесистый кастет, не попадающий под юридические признаки «холодного оружия».

Колеблюсь, но все же беру с собой кошелек и телефон. Очень хочется верить, что они мне пригодятся. Вот выйду на улицу, а там бац! Хлопок в ладоши и окрик сверху: «Стоп! Снято!». Эх…

Трущийся о ноги кот снова напоминает о себе. Хвост Ратника изогнут крючком и мелко дрожит – зверь всем своим видом демонстрирует радость и желание пожрать.

Достаю с антресолей нечастое лакомство – кошачьи консервы. Пихать в животинку сухой корм было бы явным издевательством. Вываливаю содержимое в пустую поилку, с задумчивой завистью наблюдаю, как кот жадно пожирает мокрое мясо. Потряс злосчастный пакет молока – жидкость едва плескалась на дне. Сделав экономный глоток, остальное доливаю Ратнику. Я-то себе добуду, а вот кот в квартире колодец не выроет.

Есть я не хочу – в животе до сих пор тоскливо воет вьюга. Но вот пить по-прежнему охота… Банка пива впиталась как в песок, оставив после себя лишь шум в голове и легкую смазанность в мыслях.

Сглатывая вязкую слюну, продолжаю торопливые сборы. Вторую банку пить не рискну – боюсь, свалит она меня с ног, как коня – капля никотина. Придержу на крайний случай.

Взвешиваю на ладони китайский клон «керамбита». Клинок модный, харизматичный и абсолютно бесполезный в быту. Предназначен для экзотического обратного хвата и нанесения неглубоких, неожиданных порезов. Что и неудивительно – туземцы Суматры в зимней одежде не ходили, да и лезвие смазывали ядом.

Откладываю черный клинок в сторону – пригодится еще письма вскрывать.

Мысленно прошу прощения у отца и открываю ящик его письменного стола. Бумаги, побулькивающая фляжка с резким ароматом коньяка, две коробочки с наградами и початая

коробка презервативов… хм… извини, батя…

А вот и суровый безымянный нож, привезенный отцом после одной из командировок. Контрабандный товар, из первых рук! В смысле – отобранный у контрабандистов. Самоделка – простая и надежная, как лом. Расклепанная рессорная сталь, хирургическая заточка, максимальная убойность и неубиваемость. Возвращаю клинок в потертые ножны, надежно пристраиваю на пояс. Открыто и демонстративно. Может, один его вид остудит чьи-то дурные головы и убережет от лихого гоп-стопа? Скрытое ношение подразумевает неожиданное применение, а я к этому пока что не готов.

Оглядываюсь вокруг – вроде бы ничего не забыл, ничего не упустил. Прислушиваюсь к себе – и вдруг начинаю понимать, что просто тяну время. Пока я в квартире – мир вокруг все еще прежний. Ну… условно прежний. Уютный, домашний, хоть и слегка ушатанный. Но стоит мне переступить за порог – и реальность окончательно изменится. Бесповоротно и навсегда.

Упрямо щурюсь, выхожу в коридор, вбиваю ноги в уютное нутро берцев. Туго затягиваю шнуровку, заодно оценивая нанесенный котом ущерб – внутренняя обивка двери исполосована до уровня глазка.

Кстати…

Прижимаюсь к монокуляру, пытаюсь осмотреть подъезд на предмет всяких опасностей и неприятностей. Досадливо морщусь – видимость близка к нулевой, сплошное белесое

кружево из вмятин и трещин. Это кому ж так помешал мой дверной глазок?! Вот уроды…

Со зрением что-то не то. Картинка рябит и мигает в такт привычным импульсам головной боли. Глаза словно пытаются подстроиться под условия пониженной видимости. Окружающее пространство постоянно меняет цветовую гамму, скачет из мутного серого в монохромный зеленый. Видно лучше не становится, а вот липким страхом окатывает с головы до ног.

Зажмуриваюсь что есть сил. Картинка вновь возвращается в полноцветный объем.

Трясу головой. Черт побери, да что же со мной происходит?! Успокаиваю дыхание, дожидаюсь, когда утихнет барабанный грохот рвущегося наружу сердца. Сделать большего пока не могу, поэтому волевым усилием переключаюсь на насущные проблемы.

Прижимаюсь ухом к стальному полотну двери. С минуту прислушиваюсь. Вроде тихо. Кошусь на кота – тот флегматично спокоен, развалившись на полу, полирует языком тощее брюхо.

Ладно, пора! Не хрен тянуть лоха за яйца!

Достаю из угла биту – оружие современного пролетариата. В бейсбол у нас не играют, а продажи инвентаря – круче чем в штатах. Парадокс…

Тюнинговать, как у детдомовцев, мне ее некогда, да и жалко портить хорошую вещь. Ну а вдруг за бортом не все так

плохо?

Щелкаю верхним замком, затем нижним. Замираю на десяток секунд, затем скидываю цепочку и рывком распахиваю дверь. Резко отшатываюсь назад, вскидывая дубинку и готовясь ко встрече с неизвестным противником. Давай, вражина, атакуй! А я уж встречу промеж глаз!

Тишина…

Дураком выглядеть не боюсь – выживание в высшем приоритете. У меня дел – по самые брови. Нужно мать и сестру с дачи вытаскивать. Причем места там стремные – двенадцать километров до зоны-малолетки. Сэкономили, блин, на участке…

Выхожу в подъезд, осматриваюсь.

Вокруг – треш и угар! Изобилие окурков, мятые банки и битая стеклотара из-под пива, зассанный угол и моя изнасилованная дверь. Ну а как иначе это назвать? Обивка полностью содрана, стальное полотно во вмятинах и глубоких царапинах, около замка – глубокий прорез от циркулярки.

Скептически улыбаюсь – оптимисты, епта! Эту дверь батя у знакомого слесаря заказывал, а Степаныч халтуру не делает. Пожизненная гарантия от ЖЭК-14 – это сила! «Мэйд ин Бирюлево»!

Стальное полотно в два миллиметра толщиной, с внутренней стороны – хаотично напаяны наконечники токарных резцов. Соблюдайте технику безопасности – работайте в очках и перчатках. Наткнувшись на препятствие, диски имеют тен-

денцию лопаться в самый неожиданный момент. За металлом толстый лист фанеры – для мгновенного задымления помещения при резке болгаркой. Замки с секретом, скрытые петли. Ад для взломщика!

Я уже говорил, что батя крепко заботился о нашей безопасности? Жизнь он просто видел с разных ракурсов. Как сам говорит – розовые очки слетели с него еще в Грузии, от близких разрывов и пинков отдачи снайперской винтовки. Может, плотней надо было приклад прижимать?

Рядом с квартирами грубо намалеванные синей краской цифры. На моей – тройка со знаком вопроса. Хм, это что за цыганско-воровские метки?

У соседей слева – двойка, справа – шестерка, небрежно исправленная на кривую цифру «четыре». Разгадка ребуса крутится в голове, но пока что не дается. Морщу лоб, затем пожимаю плечами – позже разберусь!

Включаю фонарик, подхожу к электрощитку. Отпираю символическую защелку, распахиваю створки, отодвигаю в сторону заначку курящего соседа – пачку сигарет и стеклянную банку «а-ля пепельница». Проверяю пробки. Как и ожидалось – все цело. Тут же лежит дешевая индикаторная отвертка – тыкаю ею в общую силовую шину: глухо. Электричество на щиток даже не приходит. Проблема куда как глобальней, чем сработавший автомат.

За спиной неожиданно лязгает дверной замок. Непроизвольно вздрагиваю, спешно хватаю прислоненную к стене

биту, замахиваюсь уже в развороте! Скалюсь отчаянно и зло, понимая, что попался, и не успеваю.

– Дядя Саша? – раздается неуверенный детский голос.

Дядя Саша – это я. Но исключительно для тройки соседских детей – Карины, Киры и Кирилла. Причем мама у них – Ксения, а папа Константин. И там не то чтобы глюк в голове у родителей, а целая философия – единение семьи, усиление рода. Может, и есть в этом что-то…

Опускаю биту, облегченно выдыхаю – медленно и незаметно, стараясь не испугать малышню.

– Привет, Киря! А что, не похож?

Улыбаюсь, искренне и максимально открыто. С детьми в целом и с соседским трио в частности – у меня всегда отличные отношения. Угрозы во мне, что ли, не чувствуют? Да и повозиться с мелочью мне не в тягость. Благо фантазия буйная – с ходу придумываю сюжеты игр, от которых малышня сверкает глазами и пищит от восторга.

Кирилл смотрит на меня внимательно и немного настороженно. Видимо, на себя я все же не очень-то и похож. Да и сам первоклашка выглядит… хм… постаревшим? Сжатые в нитку губы, морщинка на лбу и седая прядь на голове. Какого черта?!

– Дядя Саша!!! – из-за спины Кири вылетает пятилетняя малявка, ловко уворачивается от пытающегося остановить ее брата и со счастливым визгом бросается ко мне.

Приседаю, невольно улыбаясь и разводя руки в стороны.

Есть у нас такой ритуал, ага…

Кружу каруселью вцепившуюся в меня Карину. Счастливый детский смех отражается от изуродованных стен подъезда и звонким эхом несется по лестничному пролету. Киря по-прежнему хмурится, прикусывая губу и теребя в руках кухонный ножик из дрянного мягкого железа.

Останавливаюсь, придерживая повисшего на шее ребенка. Девочка обнимает меня за шею и доверительно шепчет на самое ухо:

– А у нас бабушка умерла!

Улыбка медленно сползает с моего лица. Смотрю на Кирю – у пацана подрагивает уголок рта, в глазах – решимость и отчаяние.

Ставлю мелкую на пол, одергиваю мятое, но чистенькое платье, беру за руку.

– Так, а пригласите-ка меня в гости! Кирилл, ты не против? Водой, кстати, не угостишь?

Парень качает головой – понимай, как знаешь. Нет – не против или нет – против? Или водой небогат?

Киря отходит в сторону, освобождая дверной проем.

А вот это уже однозначное приглашение. Захожу, ставлю девчонку на пол.

В квартире так же сумрачно, как и у меня. В гостиной хаос из игрушек, раскрасок, пластилиновых поделок. На обоях – корявые рисунки. Карина тут же виновато отводит взгляд, пытается заслонить особо крупного жирафа на стене и пря-

чет за спиной измазанные фломастером руки. Ой, попадет ей от мамки! Или не попадет? Не дай бог…

Интерлюдия: Кирилл

– Киря, я не буду кашу!

Стоящий на табуретке у плиты паренек раздраженно поводит плечами. Он занят и сосредоточен. На стеклянной варочной поверхности разложен крохотный костерок. Над ним – кастрюлька с никак не желающей закипать водой.

С хрустом вырвав из толстой книги очередной листок, Кирилл скомкал его тонким фитилем и осторожно запихнул в угасающее пламя.

Да когда же она закипит-то?!

Тряхнув головой и сдув уголком рта настырные хлопья пепла, он повернулся в сторону кухонной двери и с легким раздражением крикнул:

– Будешь! Кашу надо есть, иначе не вырастешь!

Если честно, Кирилл и сам был не уверен – можно ли вырасти от комковатого месива из сухого молока и неизвестной желтой крупы. Но он всеми силами пытался придерживаться старого порядка. Порядка еще ТОЙ жизни…

– Ты невкусно делаешь! Беее!!! А вот мама – вку-у-у-сно! Хочу как у мамы!!!

Лицо парня окаменело. Прикрыв на секунду глаза, он с трудом разлепил обкусанные до незаживающих ссадин губы:

– Положишь больше варенья, будет как у мамы…

Пустой, безэмоциональный голос Кирилла никак не соответствовал капризному тону Карины.

– Смородинового хочу! Из маленькой банки!

– Хорошо, будет тебе смородиновое…

Услышав, как торопливо застучали по полу маленькие ножки, Кирилл стремительно обернулся к неплотно закрытой кухонной двери. С трудом удержав равновесие на качнувшейся табуретке, он предупреждающе вскинул руку и закричал:

– Не заходи! Я сам принесу!

– Ой, Киря, да я не боюсь совсем!

– Все равно, не заходи!

Обиженно шмыгнув прижатым к матовому дверному стеклу носом, Карина злорадно уведомила:

– А я на обоях еще одного жирафа нарисовала! Вот мамка тебя заругает!

Кирилл не ответил, лишь молча отвернулся к каше. Ложка с удвоенной яростью загрохотала по стенкам кастрюльки. За этим шумом вряд ли кто-то смог бы услышать невольный всхлип парня:

– Не заругает…

* * *

Пока я осматриваюсь, Кирилл приносит большую кружку воды. Жадно делаю первый глоток и непроизвольно мор-

щусь. Теплая, соленая и чуть попахивающая.

Киря замечает мою реакцию, флегматично пожимает плечами:

– Вода в кране уже на второй день стала пропадать. Струйка все тоньше становилась… Вот я и решил набрать полную ванну. А потом она портиться начала – тогда мы ее посолили, как мама – огурцы на зиму…

– А я лаврушечки накидала!

Карина горда своей сообразительностью. Руки в боки, ножка вперед, подбородок задран вверх. А вот у парня глаза стремительно наполняются влагой. Слово «мама» – оно сакральное…

Спешно перевожу тему:

– А как у вас с продуктами? Держитесь? Не голодаете?

Надо бы заглянуть к ним на кухню – чем вообще детвора питается? В такую жару отравиться – проще простого. Однако от попытки пройти на кухню меня торопливо удерживает Карина. Вцепляется в руку, тянет назад, громко шепчет:

– Не ходи, там БАБУШКА!

По спине бегут ледяные мурашки. Бабушка? Та самая, которая умерла? Я и при жизни ее опасался – тяжелый был у бабки взгляд…

Мелкая продолжает щебетать:

– Дядя Саша, а у тебя есть телефон? Я на нашем в «птичек» играла, и батарейка закончилась! Вот ведь я глупая, да? А я так хочу маме позвонить, так соскучилась! Киря гово-

рит, что они с папой и Кирой уехали на дачу и скоро вернутся. Я жду-жду, а их все нет! И в спальню мамину он меня не пускает, а сам ходит, я знаю, знаю! И плаксой стал – злая плакса, вот! Дядя Саша, ну скажи ему!

Встречаюсь с парнем глазами и ВСЕ понимаю. Ледяные мурашки впиваются в позвоночник и наглухо вымораживают спину. Ноги подкашиваются. Без сил опускаюсь рядом с детворой на колени, обнимаю обоих и невольно шепчу:

– Все будет хорошо…

И парня прорывает. Киря всхлипывает, плечи его начинают вздрагивать, пальцы впиваются в мою футболку. От его захлебывающегося шепота хочется зажать уши и спрятаться под одеялом:

– Она ТАМ! Они все ТАМ!!!

С трудом сглатываю, покрепче прижимаю к себе малышню, продолжаю бормотать что-то монотонно-успокаивающее. Они цепляются за меня, а я ищу опору в них…

Карина жмурится от неожиданно перепавшей ласки и ревниво косится на брата.

Постепенно успокаиваюсь сам и даю возможность выплакаться Карине. Наконец, поднимаюсь на ноги:

– Так, ребята. А пошли-ка ко мне в гости? Кирь, с Ратником поиграть хочешь? Или на планшете, в тех же «птичек»? У меня батарея полная, хоть до вечера играй!

Уговаривать не пришлось. Брат с сестрой шустро перебежали в мою квартиру, которую тут же наполнили звуки злых

птичек, рушащихся зданий и лопающихся хрюш. Безумная игра!

Хотя от детского смеха в доме явно посветлело. Безнадега забилась в дальний угол, ушли звенящая пустота и безысходность. Да и Ратнику вон нравится. Сидит рядом с малышней, пялится в экран, время от времени резко выбрасывает лапу в попытке поймать нарисованную дичь.

На минуту отзываю Кирилла, осторожно расспрашиваю. Толку мизер – парня просто рубит. Вот он клюет носом и засыпает прямо посреди предложения, так и не успев развернуть прихваченную из вазочки конфету.

Понимаю – последние дни он провел в диком стрессе, с непомерным грузом на душе и ночными беседами с мертвыми родителями. Признав во мне старшего, он с облегчением передал ответственность и мгновенно юркнул в глубокий беспробудный сон. А вот мне теперь что делать?!

Отношу мелкого на диван, кошусь на комично отчитывающую кота девчушку. Экран у планшета сенсорный, а у кота – лапки. На кнопки давит – только в путь!

Разум, наконец, переваривает картинку. Чужие дети на моем диване…

В полной прострации я сглатываю возникший в горле комок. Это что ж получается – теперь я за них в ответе? Они мне доверились? Полностью и безоговорочно?!

Да я же сам себе не доверяю! И дурканут могу, и глупость спороть! Одна вон только «честная» драка с братьями

Хаджиевыми чего стоит! «Один на один», блин… Твари… Ведь только чудом не замесили! Спасибо ангелу-хранителю за кусок кирпича, так удачно попавший под руку. А большего мне и не надо, дальше я уже сам…

Присаживаюсь рядом с Кариной, бездумно наблюдаю, как дерзкие птички вовсю изничтожают позеленевших от обиды хрюш. Девочка на мгновение отрывается от увлекательного занятия и поднимает на меня сверкающий восторгом взгляд.

– Дядя Саша, а можно попить? И кушать хочется! Только не конфеты! Мы с Кирей во-о-о-т такой мешок съели – все, что в шкафу было! Ох, мама ругаться будет…

Вздрагиваю, выныривая из транса. Осторожно глажу ребенка по спутанным волосам.

– Конечно, Каринка, а чего бы ты хотела?

Мелкая кокетливо улыбается во все свои двадцать два зуба:

– Сок! Много! И яблочко!

Хм…

– Хорошо. Тогда я в магазин за соком, а затем в сад, за молодильными яблоками!

Глаза девочки распахиваются до невозможных семи копеек. Карина всем телом подается вперед:

– К самому Царю-воителю пойдешь, да? Он ведь за яблочко Златогривого коня потребует! А тот у Кощея! А Кощею Синеглазка нужна, вот!

Я улыбаюсь:

– Найду, все найду… Добрый молодец я, или погулять вышел?

Карина вдруг разволновалась:

– Дядя Саша, ты только братьям не доверяй! Нападут с палками, все отберут – и коня, и яблочки, и Синеглазку!

Я недобро прищурился и почему-то подумал не о братьях младшего крестьянского сына Ивана, а о многочисленном семействе Хаджиевых.

– Не отберут, мелкая, не боись! Отбиралка еще не выросла. А если у кого и отросло что-то – то и укоротить недолго… Меч-кладенец только отыскать нужно… Ладно, ты пока что играйся, а я в сад! Не боишься одна?

– Не-е-т! – Девочка засмеялась и за шею притянула к себе возмущенно мявкнувшего кота. – Я с Ватником!

Киваю, строго указываю пальцем:

– Ратник – ты за старшего! Следи за порядком! Карина – я ненадолго. Если часа через два-три не вернусь, тогда… хм… нет, не важно! Я обязательно вернусь!

И добавил едва слышно:

– Потому что ты в меня веришь и ждешь…

Глава 3

Закрыв ребят на ключ, я прижался лбом к прохладной стали дверного полотна.

Нужно больше холода! Заморозить чувства, укрыть ледяным панцирем душу…

Вздрагиваю, судорожно обхватываю себя за плечи. Очнись, боец! Волю в кулак!

Думай, голова, думай! Отбрось личное, включи рациональное! Куда сейчас идти, какой план? Молодильные яблоки из стволовых клеток абортальных эмбрионов – вещь отнюдь не сказочная. Но слава богам – я не молодящаяся престарелая миллионерша. Мне эта жуть ни к чему.

А вот что тогда РЕАЛЬНО нужно?

А хрен его знает…

Как можно планировать, не владея оперативной обстановкой? Вилами по воде? По кофейной гуще и потрошкам жертвенной курицы? Это не наш метод! Думай, боец, думай!!!

Так… Из абсолютно однозначного – требуется информация, союзники, оружие, сок и яблоки! Те, которые настоящие! Зеленые и сочные!

Но в первую очередь – люди. Пока они еще есть…

На кого я могу рассчитывать? С кем я на одной волне, к кому можно повернуться спиной?

Вопрос не праздный. Как учит нас наука о выживании

– в случае реального бардака и безвластия происходит полная инверсия социальной пирамиды. Бывшие изгои – шпана, криминал, садисты и прочая муть со дна – оказываются в идеальной для себя среде. А вот умения учиться на «отлично», писать продающиеся статьи, пилить гранты или открывать на сцене рот – не стоят абсолютно ничего.

Грядет время Силы. Аз воздам…

Подсознание уже успело обработать картинки и события сегодняшнего дня. В голове крутится только один вопрос – а где, мать их, все взрослые?! Пока что я видел только детей – причем в ситуациях странных, невозможных, а то и вовсе – невероятных.

Невероятных, в случае если рядом есть кто-то в возрасте «двадцать плюс». И вполне объяснимых, если хоть на мгновение предположить фантастическое…

Вот если взрослых действительно нет? Нет армии, правительства, спасателей… Нет пенсионеров, бизнесменов, бомжей и безработных…

Эвакуация? Эпидемия? Эксперимент? Массовая эвтаназия? Э-э-э… Хм, а почему все стремные слова начинаются на эту самую букву «Э»?

На секунду напрягшись, я выдал еще несколько возможных версий. Резервация? Геноцид? Мобилизация? Понятия не менее страшные, но магия буквы-трезубца пропала. На душе стало на один фотон светлей.

Ладно, отбросим гипотезы, примем пока сам факт.

Взрослые, э-э-э… временно недоступны. Короче – офлайн, «connection lost».

От сделанного вывода к горлу подкатил вязкий комок. Мама? Батя? Они тоже… недоступны?!

Зажмурившись и до боли сжав кулаки – я гоню от себя лишние мысли. Волевым усилием переключаюсь на насущное.

Кстати, а ведь похоже на то, что из всех, кого я увидел сегодня, – я самый старший. Мне ведь почти семнадцать… Второгодник, что поделать. Не из-за тупости, а по состоянию здоровья.

Хм… Что-то мне жутковато…

Ладно, толку сейчас гадать? Выйду на улицу – там все и увижу. Война план покажет.

Теперь по поводу потенциальных союзников. Из всех тех парней, кого я более или менее знаю, – толковых и относительно надежных ребят не особо много. На дистанции в два рукопожатия – человек двадцать. Край – тридцать. Из них только треть проживает в нашем доме – и в основном это дети офицеров.

Вообще-то военных семей в нашей новенькой «панельке» обитает на порядок больше. Но многие из «лейтенантов-капитанов-майоров» – бездетные либо разведенные, а кто-то и вовсе растит мудаков, по своему образу и подобию.

Дополнительно минусуем из подростковой стаи совсем уж мелких. Ниже тележного колеса, ага…

Туда же – за скобки уравнения – выносим девчонок, с которыми теперь вообще ничего не понятно. Неясно лично мне – в силу возраста, и непонятно в целом – в силу сложившейся ситуации. Кто они? Стратегический ресурс или капризная обуза? Величайшая ценность, которую надо оберегать, или равный партнер, которому пришла пора отложить в сторону модные гаджеты, взять в руки лопату и учиться копать окопы?

Впрочем, называть девчонок обузой – слишком наивно и самонадеянно. Взрослеют они раньше, а манипулировать противоположным полом учатся с детского сада. Пока мы играем в танчики, они – играют нами. Пока мы фантазируем о сексе, они решаются на аборт. Женщины – они вне возраста. Мое запоздалое спасибо бате за нудные нравоучения.

В школе у меня также все не очень просто. Она у нас не особо благополучная – чернухи хватает. Нет, наркоту не продают, и старшеклассницы телом не торгуют. Но вот всего остального с избытком. Все ж не элитный лицей, а район дешевого новостроя, социального жилья и зоны массового самозахвата бетонометров.

Однако с дюжину парней собрать по параллельным классам возможно. Одна беда – лето сейчас. Москва опустела на четверть и даже пробки на дорогах стали не такими плотными. До сентября. Или – уже навсегда…

Еще с десяток ребят я бы отметил в спортклубе. Да там один Алик Степанян пятерых стоит! Это если на татами. А в

дикой рукопашке – без арматурины в руках к нему лучше не приближаться. Звереет наш армянин, натурально ему крышу сносит. Отсюда и отсутствие спортивных достижений. Но для меня важнее другое – правильный он парень. Просто – правильный. И других слов не надо.

Так. Подъезд у меня в доме крайний, и вообще – квартира стратегическая – верхняя угловая, окна на две стороны выходят. Идеальная позиция хоть для снайпера, хоть для наблюдателя. При этом, правда, особо привлекательная для воров и вражеских гранатометчиков.

От первых батя поклеил на стекла бронепленку класса защиты А3 – устанут долбиться. А от вторых дома все равно не отсидеться…

На два этажа ниже – квартира Ильи, сына начштаба заставы, капитана Фридмана.

Илья – типичный курчавый интеллигент, с полноценной аналитической машиной в голове. Тот самый случай, когда «прокачал своего персонажа в интеллект».

Поначалу его с удовольствием гнобили одноклассники, самоутверждаясь за счет слабейшего. А потом увяли, поймав цепочку неприятностей и лишившись времени на сомнительные развлечения. Нет, Илья не стучал и не пакостил. Просто как-то само собой получалось, что его обидчики регулярно влипали в неприятности, раз за разом вытаскивая худшую карту из всех возможных раскладов.

Вряд ли кроме меня кто-то еще догадывался о его роли

в потрясающих двор и школу событиях. Под моим подозрительным взглядом Илья лишь смущенно улыбался и разводил руками:

– Стратегическое планирование, ничего личного.

Умен, зараза…

Нащупав правильную персону для первого визита – удовлетворенно киваю. С Ильей у меня отношения хорошие. Взаимное уважение, сцементированное обстоятельствами первого знакомства. Ну не смог я как-то пройти мимо, когда тощего малолетку щемила пара ржущих быдло-гопарей. Поймал я взгляд затравленных, но не ждущих помощи глаз, и вскипела во мне родовая Правда. Не додавила ее, видать, чернуха современного мира…

В тот раз мы отмахались. Причем вдвоем.

Курчавый недоросль не сбежал, а крутился под ногами, порхая, как бабочка с оборванными крыльями, и жаля, как пчела-пацифист. Не особо больно, но очень неприятно, обидно и абсолютно безжалостно. Казалось, что ему все равно, куда и как бить. Подставился – получи в пах. Пригнулся – вцепится в волосы. Обернешься – атакует лицо. Причем не кулаком в переносицу, а как получится. Схватить за ноздрю, порвать щеку, ткнуть в глаз…

Безумие? Если и оно – то контролируемое, холодное. Как он сам потом сказал – лучше уж пару раз получить люлей и заработать репутацию безбашенного, чем служить ежедневной грушей для битья. Я тогда лишь пожал плечами – у каж-

дого свой путь.

Парень он неунывающий, в любых проблемах всегда видит возможности. Как и всякому пацану – «Путь Силы» ему нравился больше, чем «Дорога Безумца». Помощи он не просил, дальше пробивался уже сам. Получая тумаки и сплевывая кровавую слюну, он взял-таки ситуацию под контроль и «уважать себя заставил». Его перестали задирать «по приколу», а били уже за конкретные дела. Не дал денег «правильным пацанам», не отозвался на обидное «погоняло».

Но… Илья это Илья. И горе тем, кто этого не понимает.

Опосредованное влияние на ситуацию – вот он, правильный термин.

Резко обострились отношения у двух конкурирующих компашек двора. На два года заехал в спецшколу Вовка Лютый – беспризорный плод алкогольной любви местных синяков. Укатил на малолетку Атлет – жестко выбивавший мятые рубли со всех, до кого только мог дотянуться. Агрессивным силам подросткового мира резко стало не до мелкого очкарика.

Вот такой вот он – Илья. Идеальный аналитик и штабист. Лучше его в ситуации никто не разберется, а значит – «нам туда дорога»!

Но перед тем, как спуститься к соседу, мне обязательно нужно снова заглянуть в квартиру Кирилла и Карины. Страшновато, брезгливо, но надо! Слишком много вопросов, и слишком мало ответов! На полке отложенных дел уже

полноценный завал! Да и со своими страхами нужно бороться. Пока они еще маленькие, пока корней не пустили. Иначе вырастет в душе могучий лес кошмаров – напалмом не выкорчевать…

Подхожу к соседской двери, проворачиваю в замке позаимствованный ключ. Нажимаю на ручку, осторожно распахиваю противно скрипнувшую дверь.

В квартире темно, мрачно и никакого трупного запаха. Может, нафантазировала детвора? У меня вон тоже лет до пяти «жил» под кроватью ужасный монстр. И я готов был биться смертным боем с теми, кто мне не верил. Хотя, если честно, он и сейчас там живет. Только – тссс!

Решительно выдыхаю, обхватываю покрепче биту, медленно захожу в прихожую. Вокруг – следы непродолжительной робинзонады. Хаос игрушек, рисунки на обоях, спящие под одеялом поники, наказанный в углу заяц.

Страшно… Страшно хочется кого-то убить… Того, кто за все это ответственен.

Вновь приходится успокаиваться. Собственные реакции напрягают. Организм сходит с ума – в ответ на любой раздражитель следует мгновенный выброс адреналина. Бей-беги! Как неглубоко, оказывается, в нас прячется первобытный зверь…

Ладно, прорвемся!

Вытираю о футболку вспотевшие ладони, сворачиваю по коридору направо – по направлению к кухне. Ступаю осто-

рожно – обходя спящие игрушки и нарисованные на паркете «классики».

В тесном пространстве малометражной кухоньки я сразу понимаю – ребята не фантазировали. На крохотном угловом диванчике сидела мертвая бабушка. Заметно усохшая, со странно посеревшей кожей – но вполне узнаваемая. Голова откинута назад, рот распахнут, в полумраке поблескивает керамика вставных зубов.

Чур меня чур! Жуткое зрелище…

Я покойников страсть как не люблю. Потусторонние они какие-то. Рядом с ними в голову сразу лезет всякая чертовщина. Привидения, монстры, зомби и прочая мракобесия.

Силы воли хватает только на то, чтобы трусливо не пятиться. Неторопливо поворачиваюсь, выхожу гордо и свободно, как человек, а не тварь дрожащая.

Пытаюсь выйти…

За спиной что-то негромко падает, и я, испуганным зайцем, подпрыгиваю на месте. Разворачиваюсь практически в прыжке, с яростным оскалом вскидывая биту. Ничего рационального, сплошные рефлексы.

Слава богам – бабушка не шевелится. Сидит себе в прежней позе, пялится остекленевшими глазами в потолок. Скрюченных рук ко мне не тянет, комиссарского тела не алчет.

Лишь на полу валялся выпавший из усохшего рта зубной протез-лягушка. Именно его грохот и напугал меня до ран-

ней седины.

Невольно перевожу глаза на распахнутый рот мертвеца и тут же замираю, до самых пят промороженный истинным ужасом. Сквозь серые старческие десны пробиваются тонкие иглы растущих зубов. Острых, голубовато-бледных, утилитарно-хищных клыков!

Не помню, как я выскочил в подъезд. В себя пришел только после того, как в руках хрустнул ключ от замка соседской квартиры, который я вновь и вновь пытался провернуть. Закрыться, запереться, отгородиться!

Эпический свет, что это было?! Я точно видел ЭТО? Мелкие акульи зубы в два неровных ряда?

В свою вменяемость я верю. Хотя рациональная частица разума крутит пальцем у виска, настойчиво внушая, что я – фантазер и такого не бывает. Я, может, и поддался бы… Будь странность единичной. Но то, что творится вокруг, нормальным уже не назвать. И в рамках этой парадигмы – я готов допустить существование ВСЕГО. Быть может, даже и ЕГО САМОГО. Великого Ктулху… А может, и вовсе… Неназываемого…

Отчаянно трясу головой, возвращаясь к реальности. Выбрасываю сломанный ключ, поудобней перехватываю биту.

К черту все!

К черту дымящийся опустевший город, к черту безумную школоту и отдельным посылом – к черту зубастых старушек!

Потопал-ка я лучше к Илье! Вон его предки – сорок лет в

пустыне выживали. Ну не мог этот парень слиться за неделю невнятной катастрофы! Не верю! Кто угодно – но точно не Илья!

И, кстати, даже не заглядывая в родительскую спальню соседей, я теперь точно знаю, что значит цифра «четыре» на стене у соседской квартиры. Четыре трупа… И хрен там угадал неизвестный художник, намалевавший у моей двери кривую тройку! Мои все живы! Пока я верю – они обязательно живы!

Лифты ожидаемо не работают, поэтому спускаюсь по лестнице. Мрачновато тут… Грязные окна дают мизер света. С улицы доносится матерная разноголосица ломающихся подростковых голосов. Не знаю, стоит ли этому радоваться – но кто-то еще жив! Неумелые матюки густо разбавлены истеричными криками. Судя по всему, там кого-то бьют. Причем крепко, до животного страха за свою жизнь.

Очень хочется взглянуть на происходящее. Но заляпанные побелкой стекла для взгляда непроницаемы. А выламывать раму и высовывать наружу любопытную голову… Нет, башня у меня одна. И в нее сегодня уже и так стреляли…

Несколькими этажами ниже обреченно воет запертая собака. Хаски, что ли, с двадцатого? Или она лайка? Не, точно хаски! У нее еще на лбу характерный белый хрен между глаз. Что поделать, такой вот выдающийся у породы окрас…

Помнится, у псины еще и хозяйка такая же – фактурная, симпатичная. Старше меня на год, фигуристая и высокомер-

ная, как Клеопатра. Но красивая, зараза. Надо будет заглянуть, спасти… э-э… собачку…

Двадцать второй этаж встречает погромом. На стенах – все те же пугающие цифры – три, семь, один и один. Тройка, семерка, туз. Очко…

Две квартирные двери выбиты, шлейфом от них – брошенное шмотье и редкая кровавая капель. Ничего серьезного – на уровне разбитого носа или порезанной руки. Мародеры-любители, ухо им в рот…

Третья дверь бестолково измочалена, но устояла. Жилище Сан Саныча – складского старшины. Насколько я знаю, телефончик слесаря по металлу батя брал именно у него. Неудивительно, что столь непрезентабельная на вид дерматиновая дверка устояла под бестолковым натиском непрофессионалов.

Относительно цела лишь последняя, четвертая дверь.

Удовлетворенно хмыкаю – я даже не сомневался, что Илья выкрутится. Уверен, что в случае массового попадания на необитаемый остров его номерок в общей «лотерее на принудительное поедание» неизменно будет оказываться последним. И не спрашивайте: «Как?!». Просто смиритесь.

Подхожу, оцениваю вмятины в жестяном полотне, качаю головой. Детский сад и сбоку бантик. Конструкция исключительно от честных и предельно аккуратных людей. Не стучать, не опираться. Испортите.

И все же стучусь. Тихим, но узнаваемым среди своих рит-

мом. Прислушиваюсь. Выпуклую линзу глазка перекрывает предательская тень. Конспиратор, мать его… Заслонку на глазок для кого придумали?

Делаю паспортное лицо, затем не выдерживаю:

– Илья, да рожай ты уже скорее! Не видишь, что ли – свои?!

Неуверенно лязгают металлом замки, звякает сдвигаемая цепочка. До меня доносится задумчивое бурчание:

– Свой своему поневоле брат…

Дверь распахивается, и настороженный Илья отступает в глубь квартиры. То ли приглашая, то ли заманивая.

Парень младше меня на два года, ему едва стукнуло четырнадцать. Хотя по комплекции он не тянет и на эти скромные годы. Мелкий уж больно, вечный правофланговый в классе.

Смотрит задумчиво, по-птичьи склонив голову и поправляя одним пальцем тонкую дужку круглых гаррипоттеровских очков. Растрепанный, чумазый. Ссадина на скуле, под правым глазом крупный фингал, но в остальном – вроде цел.

Оружия нет – ни в руках, ни на поясе. Хм, беспечно…

Прямо за порогом – заляпанная узнаваемой синей краской банка. Так вот кто у нас «дэд-артом» занимается? Последний ценитель математики на районе?

Колеблюсь неуловимую долю секунды. Жизнь – штука непредсказуемая, но я по-прежнему уверен – Илье можно доверять!

Шагаю вперед, демонстративно качая головой:

– Никогда не понимал людей, ставящих в жестяную китайскую дверь замки четвертого класса защиты… Занятно… Слушай, ты в нее хотя бы пальцем тыкал? Ведь это даже не сталь! Она реально консервным ножом вскрывается! Показать?

Парень едва заметно улыбнулся:

– Не надо. Верю и каюсь. Лоханулся мой батя, факт! Послушай… Саня… А это реально ты? Живой?

Я картинно приподнял бровь и задал контрольный вопрос:

– Есть сомнения? За бортом что – зомби-апокалипсис? И, кстати, вопрос на полном серьезе, без дураков! Я ведь проснулся всего час назад. Что за хрень тут происходит, а?

Вот теперь глаза Ильи полыхнули настоящей радостью. Настороженность из подбитого взгляда исчезла, на лицо вернулась привычная улыбка. Распахнув руки, он бросился ко мне.

– Саня! В рот мне ноги! Реально живой! Ах ты ж чертов везунчик!

Я осторожно похлопал его по спине, затем взял за плечи и отодвинул на пионерское расстояние. Нет, мы, конечно, друзья-товарищи, но не до такой же степени?! Прячу смущение за иронией. Есть у меня такая черта, ага…

– Только не говори, что ты мой потерявшийся брат-близнец.

Илья счастливо оскалился.

– Круче! Я твой потерявшийся мозг! А ты – моя воля, совесть и личная харизма! Черт, Саня! Как же здорово-то! Вот теперь – заживем, вот теперь – всех нагнем!

Скептически хмыкаю.

– А кулаками у нас Алик будет?

Илья звонко хлопает себя по лбу:

– Точно! А я все думал – кем прикрыть это направление? Степанян – идеален! По крайней мере – до первого гормонального взрыва…

На лбу парня медленно проявляется красный отпечаток ладони, но он по-прежнему весел, бодр и суетлив.

Демонстративно осматриваю его с ног до головы: слива под глазом, тощие ручки-ножки, обгрызенные ногти. На затасканной футболке с трудом угадывается принт подмигивающего Эйнштейна. Лицо ученого заляпано многочисленными коричневыми пятнами. Похоже, не так давно Илюхе качественно подбили нос.

Эх, Аника-воин…

Скептически уточняю:

– Ну а вместе мы тогда кто? Солянка сборная?

Илья глянул на меня серьезно, выдержал театральную паузу, затем многозначительно поднял палец:

– Вместе мы – банда!

Заржав собственной шутке, он схватил меня за руку и потащил в комнату. Слова лились из него безостановочным по-

током. Пару раз Илюха оглядывался, словно желая убедиться, что я ему не приснился.

А я слушал, при этом пытаясь понять – вот как можно так весело смеяться с абсолютно серьезными глазами? Холодными стальными глазами. Брр…

– Саня, расклад такой – за окном полная жопа! Забудь все книжки про «постап» и «БП» – какими бы жестокими они ни казались! На фоне текущей реальности – они не более чем розовые утопические сопли! Не хочу давить тебя жестью, еще насмотришься. Просто – поверь. И таки да, можешь улыбаться и радоваться дню сегодняшнему – ведь завтра будет еще хуже.

Я вспомнил увиденное на балконе, скрипнул зубами и хмуро кивнул. Верю.

Сбросив с дивана объемные пачки научных журналов, Илья сделал приглашающий жест рукой. Усевшись сам, поджал под себя ноги в удивительно чистых, хоть и разноцветных носках, продолжил:

– Комету помнишь? «Залетный гость из глубокого космоса», «разминулись лишь чудом» ну и прочую истерику в интернетах? Военные под шумок даже отстрелялись по ней чем-то ядерным. Причем на удивление синхронно, единым залпом со всех континентов… Не знал? Ну да не суть, все равно не помогло… Короче, Земля прошла через кометный шлейф. Таки да – это было офигенски красиво, по-научному необъяснимо и вроде как – абсолютно безопасно. Большие

головы облегченно выдохнули, а наутро – не проснулись…

Я застыл. В груди словно разбилась банка с жидким азотом. Лед и пламя… Мама, отец, сестра! Хрипло выдохнул:

– Все?

Илья посмотрел на меня сочувственно, затем закусил губу и отвел заблестевшие глаза в сторону – на фотографию, заботливо проклеенную по углу новенькой черной лентой. На фото невысокий офицер-пограничник обнимал хрупкую женщину с младенцем на руках. Рядом с мамой стоял Илья – неожиданно серьезный и немного насупленный.

– Все… Все те, кто младше пяти и старше шестнадцати. И чем ближе к верхней границе – тем меньше шансов проснуться. Я спал два дня. Ты – тринадцать. Причем последний проснувшийся до тебя – сделал это дня три назад…

Сердце пропустило удар, но я вычленил из информации главное. И взорвался:

– Мне семнадцать во сне исполнилось, идиот! И раз бывают исключения, то и нашим родителям могло повезти! Ты на хрена их в мертвецы записал?! Ты трупы видел, нет?! Они же в гарнизоне, на точке в это время были – красная тревога, повышенная боеготовность по всему округу! Там убежище – тринадцать метров под землю! И бетонная плита – два с полтиной плюс арматура! Оперативно-координационное управление, группа мобильных действий, понимать надо! Илюха, ты чего?! Ну нельзя жить без надежды, просто – верь!

Под моим напором Илья ошеломленно замер, затем за-

торможенно кивнул. Медленно и нерешительно – он встал и подошел к фото. Взяв его в руки, долго всматривался в родные лица. Наконец, шепнув: «ну а вдруг?..», он зло сорвал черную ленту, вытащил фотографию из рамки, сложил ее вчетверо и бережно спрятал в карман.

– Ты… наверное… прав… Всегда должна быть надежда! Мало ли что я видел? Может, и вовсе – приснилось мне… гадкое… Я ведь хреново нынче сплю. Только таблетками и спасаюсь… Спасибо, Саша… Ведь реально они могли в «Ваулте» отсидеться или шприц какой-то из спецаптечки применить!? Там же с полсотни наименований, причем половина – засекреченные, номерные! Главное – верить…

Интерлюдия: Илья

Родителей и брата он хоронил сам. Под самое утро – когда ушли вместе с темнотой страхи, когда утихли ночные гульбища и яростные подростковые разборки.

Еще подвывал где-то позабытый магнитофон, лениво постреливали в районе супермаркета да в доме напротив устало стонала под очередным насильником неизвестная девчонка.

«Уже третьи сутки…» – отметил про себя Илья. Отметил устало и абсолютно безразлично. А следом пришла еще более страшная мысль: когда они ее уже окончательно заездят? Ведь невозможно же!

Илья не удивлялся собственной бесчувственности. Он

был занят.

Его руки зашивали цветастую наволочку, в которой лежало бережно укутанное тельце младшего брата.

Ну а разум… Разум кипел от сознательно заданной сверхнагрузки. Илья решал в уме сложное логарифмическое неравенство. И его абсолютно не беспокоило то, что он уже давно запутался в формулах и явно шел по ошибочному пути.

Он просто не мог и не хотел осознавать себя «здесь и сейчас». Сработал предохранитель инстинкта самосохранения. Безумие и так бродило где-то совсем близко. Дышало холодом в спину, шаркало сзади, заглядывало через плечо…

Вот и приходится от него прятаться. Внутри самого себя. По-другому гасить восприятие Илья не умел. Хотя… Ведь можно таблетками прикрыться? Тупо приглушить все эмоциональные чувства?

Пересохшие губы разжались и медленным речитативом затянули песню-мантру:

Камни врезаются в окна, как молнии Индры,
Я нахожу это дело довольно забавным.
Ты понимаешь, что мне было нужно развлечься;
Мне надо чем-то лечить душевные травмы.

У-у-у… Транквилизатор…

Илья отложил в сторону недошитый саван и бездумно уставился на исколотые, обильно кровоточащие пальцы. И

когда только успел? Он совсем не чувствовал боли…

Значит, нужно встать, дойти до аптечки и отыскать там йод. И… кое-что еще… Витька Цой не мог ошибаться…

* * *

Илья нервно тараторит и безостановочно мечется по комнате. За его спиной рушатся стопки книг, которыми заставлено все свободное пространство. Пирамиды из журналов, сталагмиты из справочников, колонны из брошюр. Фантасмагория…

Вместе с россыпью пальчиковых батареек с подоконника валится туристический фонарик. Звук его падения мгновенно приводит Илью в чувство. Бросившись к фонарику, парень с тревогой ощупывает прорезиненный корпус. Нажав пару раз на кнопку, убеждается в наличии узкого, «потайного» луча. Облегченно выдыхает, бережно возвращает на место хрупкое устройство.

Я и сам успокаиваюсь далеко не сразу. Делаю пару вдохов-выдохов, приводя мысли и эмоции в порядок.

– Слушай, Илья… А ты вообще, взрослых… ну в смысле… мертвых… Блин! Короче, тела погибших – видел?

Илья косится на меня с пониманием:

– Все еще не веришь?

Раздраженно отмахиваюсь:

– Да верю я, верю! У соседей моих, «семейки Ка» – ну ты их знаешь! – бабушка на кухне лежит. Странно так лежит… Лично наблюдал – чуть не поседел…

– Я тебя удивлю, но только в нашем подъезде таких тел не меньше трех сотен. По два-три на квартиру. Но наш народ… он такой – быстро ко всему привыкает. И ты перестанешь вздрагивать. Некоторые вон даже куражиться начинают, глумятся. Насмотришься еще фэнтезийных инсталляций. Волосы начинают шевелиться. Уроды, блин…

Мысленно вздрагиваю – бррр… Не дом, а филиал безумного морга.

– А вот всякого странного ты не замечал? С… с трупами связанного?

Илья посмотрел на меня внимательно, затем медленно кивнул.

– Ты тоже обратил внимание? Они ведь не разлагаются! И не пахнут! Тают, словно свечи – подкожный жир куда-то уходит. Чуть усыхают… Мумифицируются, что ли?

– И все?

Илья не выдержал:

– Тебе мало?! В радиусе двадцати метров от нас – не меньше полусотни якобы мумифицированных трупаков! Да, спасибо Комете и тому, что она приволокла с собой, – тела не разлагаются. Иначе город уже бы давно превратился в гниющий могильник. И хлебали бы мы полной ложкой весь классический букет: чуму, холеру, тиф… Но вот почему они та-

кие? Ты их щупал? Они ТЕПЛЫЕ, Саня!!! И, кстати, кто их хоронить будет?!

Последние слова он почти выкрикнул, при этом покосился на свои покрытые ссадинами руки и зачем-то торопливо спрятал их за спину.

Задумчиво пожимаю плечами. Судя по тому, что я видел, – там не хоронить нужно, а кремировать под молитвы и песнопения. Но пугать Илью еще больше – я не хочу. Парень и так на грани срыва. Если уже – не за гранью…

Пытаюсь отвлечь его от глобальных проблем. Ободряюще подмигиваю, указываю на фингал под глазом:

– Разберемся, не дрейфь! Кстати, откуда украшение?

Илья осторожно щупает пальцем уже почерневший синяк.

– Да так… Хаджиевцы навесили, для профилактики. Пару дней назад они по этажам прошлись – квартиры вскрывали. Искали оружие: охотничье и табельное. Заодно народ шугали и подминали под себя одиночек. Видать, наваляли им где-то, вот и засуетились. Личный состав наращивают.

Я нахмурился, рефлекторно сжав кулаки и громко хрустнув суставами:

– Сообразили-таки, уроды…

– Не сразу, далеко не сразу. В первые дни вообще ахтунг был. Дом натурально выл – на десятки голосов. Поначалу от страха и беспомощности. Потом – от голода, жажды и боли. Думаю, что в первые дни мы потеряли не меньше четверти малышни. Всех тех, кто болел, и тех, кто не смог выбраться

из квартир. Кто свалился с пирамиды табуреток, пытаясь достать банку варенья с антресолей, и тех, кто его таки достал, но обожрался до заворота кишок. Тех, кто лечил животики таблетками – наугад и по наитию. А также тех – кто спалил весь этаж в попытке вскипятить чайник или просто желая разогнать ночную тьму. Кстати, в нашем доме именно я перекрыл газовые вентили. Всего пару квартир выгорело, да и то – в четвертом подъезде.

– Молодец… – только и смог прошептать я.

Мне вновь захотелось зажать уши. Говорил ведь – фантазия у меня хорошая. А в некоторых случаях это отнюдь не на пользу.

Я с силой сжал зубы, отвлекаясь на боль и вышвыривая из головы пугающие картины. Кровавые мальчики и мертвые девочки…

Илья тем временем продолжал:

– …потом проснулись те, кто постарше. Народ начал выползать на улицу, кучковаться в группы. Многих исчезновение родителей даже порадовало. Ну, или, как минимум, не убило горем и не заставило шагнуть из окна. Подростковый нигилизм, гибкость психики и прочие выверты сознания. К тому же катастрофа оказалась очень щедрой! Ты мечтал когда-нибудь о ящике «Сникерсов»? А о тысяче бутылок «Блю Лейбла»? Контейнере фирменных шмоток? Спортивном «Феррари», полицейском «Крузаке», армейском «Тигре»? Да на, бери! Халява! Гуляй, рванина! Жизнь удалась!

Илья сплюнул, при этом покосился на тысячи книг, забивших половину объема большой комнаты. Скривился и тут же кивнул, отвечая на незаданный вопрос:

– Ага, и я тоже… Но у меня же не килограммы золотого хлама из ближайшей ювелирки, а знания! Справочники, учебники, карты, пособия… Да ведь им цены нет! Интернет сдох уже на третий день. Ноутбуки, планшеты и генераторы всех видов – тоже долго не проживут. Тем более что чинить-то их некому! На сотню пацанов дай бог чтоб хоть один умел держать паяльник в руках! Вот ты, например, умеешь?

Пожав плечами, я кивнул. А что тут сложного? Терпение, аккуратность, готовность учиться да соблюдение техники безопасности. Не сложнее чем на флейте играть – нажимай да дуй.

Повторюсь – батя у меня правильный. Если я что-то ломал – то сам же и чинил. Под присмотром, конечно, но все же…

Илья криво улыбнулся.

– Ну да, нашел кого спрашивать… Ты же баллистическую таблицу автоматного патрона выучил раньше, чем таблицу умножения… Ведь как знал, будто специально готовился к своему чертову БП!

Он замолчал, переводя дыхание и успокаиваясь. Поглядев на меня тяжелым взглядом и не дождавшись признания – вновь заговорил. Медленно цедя слова, абсолютно не в тему, но очень страшно:

– Прикинь, а ведь эти уроды – книжный на Лермонтов-

ском сожгли. Тупо по приколу. И Лешку из сто девятой квартиры с балкона сбросили. Тоже, видать, «по приколу»… Он потом еще сутки под окнами стонал, маму звал, друзей. Макса… Олега… меня… и тебя тоже… Всю ночь напролет…

Взгляд парня остекленел, руки слепо зашарили по столу. Нащупав бестолковый кухонный нож, Илья вцепился в него, как в спасательный круг.

– Не-на-ви-жу!.. – прохрипел он по слогам и, пошатываясь, направился к закрытой межкомнатной двери, зачем-то обклеенной по периметру липкой лентой.

Ухватившись за ручку, Илья рывком распахнул тяжелую створку. Затрещал разрываемый скотч, удушливая волна смрада вырвалась из некогда герметичного помещения. По мозгам шибануло так, что в себя пришел не только я, но и сам Илья.

Резко убавив в энтузиазме и агрессивности, он нерешительно затоптался на пороге. Причем борьба шла явно не с вонью, а скорее – с самим собой. Наконец, сделав несколько безуспешных попыток замахнуться ножом и войти, он обессиленно прижался спиной к стене, медленно сполз на пол и беззвучно зарыдал – выронив клинок и спрятав лицо в ладонях.

Подойдя к двери, я задержал дыхание и осторожно заглянул вовнутрь. На загаженном диване храпел Алик Гитлер – тощий паренек лет четырнадцати. Истинный ариец – белокурый, голубоглазый и с неожиданно подлым и мстительным

характером. Заденешь такого – и отгребай потом щедрым водопадом бытовые неприятности. Поцарапанная машина, залитый суперклеем замок, располосованная лезвием обивка двери или неожиданно отравившаяся любимая собака…

Алик всхрапнул во сне и с булькающим туалетным звуком выпустил газы.

Я отшатнулся и спешно захлопнул створку. Глаза слезились, для дыхания приходилось прилагать немалые усилия. Легкие спазмировало, организм защищался от газовой атаки.

– Блин, это что сейчас было?

Илья шмыгнул носом, утерся рукавом и с ненавистью выдавил из себя:

– Гитлер…

Огрызаюсь, торопливо прилаживая на место сорванную липкую ленту:

– Сам вижу, что не Сталин! Что он тут делает? С хера ли спит на твоей кровати и воняет, как покойник?

Илья уже окончательно пришел в себя. Встав, он брезгливо отпихнул валяющийся на полу нож и, подойдя к объемной картонной коробке, принялся деловито перебирать ее содержимое. Судя по зеленым крестам и фирменному логотипу «Будь-†-Здоров!» – ящик увели из ближайшей аптеки.

– Гитлер теперь под хаджиевцами ходит. Он всегда шустрилой был. Вот и сейчас – мгновенно вкурил ситуацию и оперативно подсуетился. Сам к ним пришел, шлемазл хитрожо-

пый…

Я пожал плечами:

– Ну да и болт с ним. Говнистый… хм… ну теперь уж точно… говнистый он пацик – это факт. Но резать-то его зачем?

Глаза Ильи вновь полыхнули ненавистью.

– Это он Лешку с балкона сбросил! Преданность свою доказывал, сука!

Я нахмурился, верхняя губа непроизвольно приподнялась, оголяя зубы. Зверь сидит в каждом из нас…

Положив руку на рукоять отцовского ножа, негромко уточнил:

– Точно он?

Илья покосился на меня, предупреждающе оскалился в ответ:

– Не лезь, я сам! Пока Лешкины стоны слушал – я обещал! И ему, и себе!

Понимающе киваю. Месть – это святое. Но ситуацию все же стоит прояснить:

– Ну а тут эта сука как оказалась? Похитил ты его, что ли?

Илья вполголоса выругался, затем пинком ноги опрокинул коробку на бок. Из картонного нутра прямо на пол вывалился целый оползень медикаментов.

– Смотрящим ко мне приставили, от «великого клана Хаджиевых»… Они ведь меня придворным химиком назначили. Дали задачу: «забацать дурь подзабористей»… Вот ре-

ально, так и сказали: «подзабористей»! Идиёты…

Переваривая полученную инфу, я даже не улыбнулся, лишь недоуменно наморщил лоб.

– Хренасе. А ты сможешь?

Илья пожал плечами.

– Дурное дело не хитрое. Тем более что аптечный сейф они таки доломали. Пострадало всего два овцевода – лопнул диск «болгарки» при перекосе. Ума у них нет, как и средств защиты. Техника безопасности… она ведь кровью написана. В результате – минус глаз и долой два пальца на руке. Ну да ладно, на вавку подули, до свадьбы должно зажить. Оптимисты хреновы… А вот в распиленном сейфе – чего только нет… Концентрированное счастье в каждой ампуле.

Я воодушевился:

– Ну так свари им что-то убойное! С цветными мультиками и прямым билетом в ад! «Ван вэй тикет!»

Новоявленный химик посмотрел на меня тяжелым, оценивающим взглядом.

– Во-первых, я тебе не доктор Менгеле – трахануть зараз десяток человек… Меня откатом по стене не размажет? Да и ты! Сможешь ли после этого ко мне нормально относиться? Без страха или брезгливости?

Я на секунду задумался, затем кивнул – пусть даже слегка неуверенно:

– Смогу!

Илья недоверчиво хмыкнул, затем продолжил:

– А во-вторых, меня же первого этой дрянью и ширанут. Для проверки. Хаджиевы хоть и не интеллектуалы, но чуйка у них звериная. А ведь валить их надо исключительно оптом – всех сразу. Выживет хоть один из братьев – покоя не будет. Станет на след, будет красться за спиной и выжидать удобного момента. Как ни странно – они ведь не трусы. Просто – другие, не такие, как мы.

Я прищурился, осмысливая сказанное и впитывая в себя новые реалии. М-да, константы социума изменились. Вместо «не стоит с ними ссориться» появилось «убивать надо всех и сразу!». Причем от кого я это слышу? От чернявого тощего интеллигента, еще полгода назад со слезами и соплями хоронившего во дворе сдохшего хомяка? Мир сошел с ума…

– Наверное, ты прав… Слушай, – я ткнул пальцем в сторону заклеенной двери – а эта воняющая тушка не проснется в самый неожиданный момент? У него там топор у изголовья кровати стоит. А моя бита против «длинного клинкового» – не танцует.

Илья покачал головой и молча бросил мне отысканный в куче аптечного хлама пузырек с таблетками. Ловлю звякнувшую бутылочку, высматриваю название. Ага, снотворное.

Зачитываю вслух:

– «Обеспечивает глубокий здоровый сон». Хитро! Слушай, а благоухает он так почему? Побочный эффект?

Илья с деланым безразличием пожал плечами:

– Неумеренность в еде, просроченное пиво и чипсо-шо-

коладная диета.

Я кошу под недоверчивого следователя, фирменным жестом приподнимаю левую бровь и придавливаю парня взглядом.

– Ой ли… Илья, не беси меня! Колись давай! Шоколад другой аромат дает!

Парень ухмыльнулся, вновь погрузил руки в медицинский оползень и выловил оттуда очередную упаковку. Нежно-голубой цвет, фольгированные стикеры, нестандартная форма – явно нечто дорогое, с конским ценником.

– «Хренадил»! Слабит нежно, не нарушая сна!

Восхищенно цокаю языком и качаю головой:

– Страшный ты человек, Илья…

Юный химик криво и многообещающе улыбнулся. Буркнув что-то в стиле: «то ли еще будет», он сдвинул в сторону опустевшую коробку с медициной, подошел к стенному шкафу и вытащил из него свою гордость – практически полную коллекцию химических элементов. Заслуженную, надо сказать, гордость.

Золотом чистотой в четыре девятки – никого нынче не удивить, были бы деньги. Богатств Илья не нажил, а вот креативностью – не обделен. К примеру – купив древний детектор дыма, он извлек из него редчайший америций. Осадив в пробирке часть добычи – до еще более уникального нептуния, юный гений заполнил сразу две позиции в таблице элементов. Не успокоившись на достигнутом, он из обычной

кисточки-антистатика умудрился добыть радиоактивный полоний. Пусть в мизерных количествах, но все же…

Бережно достав из ячейки кубик прозрачного оргстекла, Илья примерился и аккуратно вогнал нож в его клееный шов. Хрустнуло, куб развалился на две части, открывая доступ к содержимому – небольшой ампуле с каплей мутноватой жидкости внутри.

– Страшнее чем ты думаешь… – прошептал он, задумчиво взвешивая капсулу на ладони.

Затем повернулся ко мне и уточнил:

– Так какие У НАС дальнейшие планы?

Не сводя глаз с подозрительного сосуда, я протянул:

– Хотелось бы дослушать тебя до конца, узнать – что там за окном творится. А потом уже выйти во двор, на разведку. Аккуратненько так – в тени, на кошачьих лапах. Да и яблоки нужны, прямо край!

Задумчиво полюбовавшись на садящееся солнце сквозь мутное содержимое ампулы, Илья согласно кивнул:

– Разведка – дело хорошее, одобрямс. С тобой пойду! А по поводу «дослушать до конца»… Хм… Нечего там в принципе слушать… Предсказуемо все. Пара дней слез, страха и плача, затем еще пара – товарного сумасшествия. Ну а потом… потом кто-то додумался, что мир изменился НАВСЕГДА. И пришло отличное время для решения застарелых вопросов. Помнишь Костика-ботана?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.